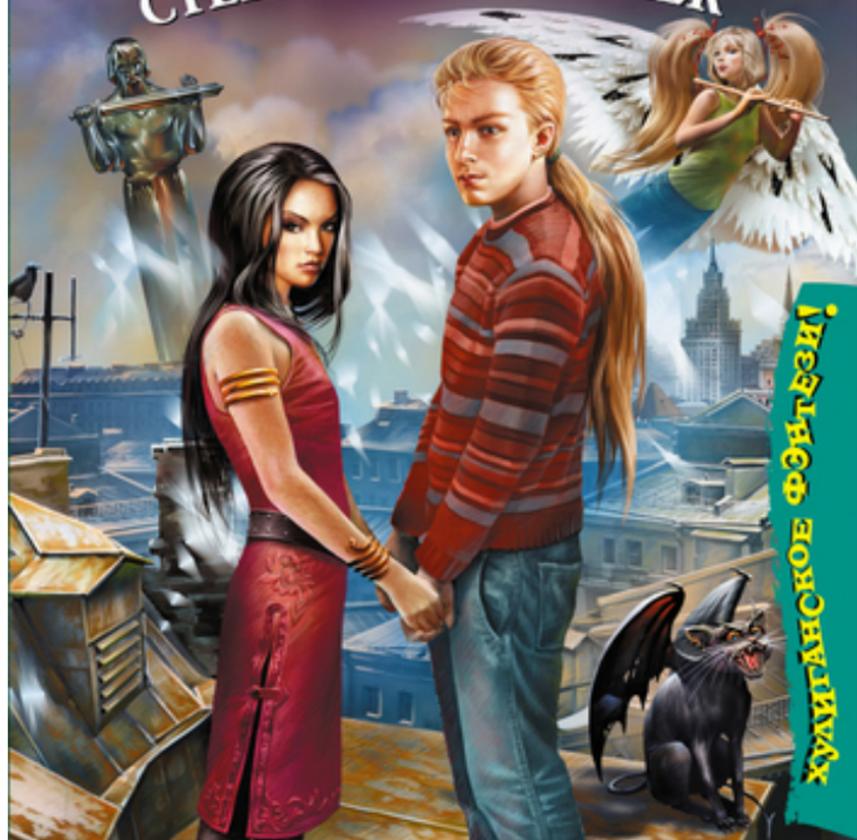

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ

ХУАЙГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Дмитрий Емец
Стекланный страж
Серия «Мефодий Буслаев», книга 13

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181049
Стекланный страж: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-35077-3*

Аннотация

Только у Мефодия наладилась обычная жизнь, без магии и службы в Канцелярии мрака, как он попал в переделку, подстроенную влюбленной в него Прасковьей. Тело Буслаева само вспомнило все, чему его так нещадно учил на тренировках Арей. Память вернулась к Мефу, а значит, пора отдавать долги – ведь силы Кводнона еще у него, и Лигул не успокоится, пока не заберет их тем или иным способом. Тем более что скоро состоится Коронация, на которой Прасковья станет законной повелительницей Мрака и... послушной марионеткой в руках злобного горбуна. Осталось лишь выбрать способ, каким Буслаева лишат его темных сил.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	55
Глава 4	76
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Дмитрий Емец

Стекло́нный страж

Как только человека перестает радовать живое, он становится мертвым.

Книга мрака

Свету совсем необязательно воздавать мраку злом за зло. Достаточно просто вернуть ему его же собственное зло. Хотя бы десятую часть.

Книга света

Всякое дело, совершенное с любовью, живет и существует ВЕЧНО. Без исключения. Даже если это просто самолетик, сделанный из бумаги, который упал в пруд и у вас на глазах утонул. Объяснить почему – не умею. Но чувствую, что живет.

Ирка. Дневниковая запись

Глава 1

«Рекламный вьюноша»

Свет дает все постепенно. Просишь яблоню – получаешь семечко. Прорастаешь – вот она, твоя яблоня, благодарная твоим рукам и связанная с тобой навеки. Не прорастаешь – тогда и взрослое

*дерево загубил бы, получи его сразу.
Эссиорх*

Острое счастье – это когда после новогодней елки стоишь в очереди за подарком, а твоя пятнистая шуба из ненастоящего барана бежит по мозаичному полу пристегнутыми на резинки перчатками. Шлеп-шлеп! – красные перчатки бегут, широко расставляя пальцы. Кажется, что шуба переставляет смешные утиные ноги. Шлеп-шлеп! – бегут утиные ноги счастья.

Автобус остановился, и Меф, несильно боднув лбом стекло, проснулся. Последние дни ему часто снилось детство. Сны всегда были яркие, радостные. После пробуждения они не смазывались, а надолго оставались в памяти. Просто бери кисть и пиши.

Сны приходили к Мефу не только ночью, но и всякий раз, когда он случайно засыпал. Как-то это случилось на ящиках в «Пельмене», куда он присел на пять минут, дожидаясь, пока Маркелов сообразит, почему не запускается лента погрузчика. Не запускалась же она потому, что между вращавшими ее зубцами Памирджанов хранил свое ведро с дезинфицирующим раствором, которое в любом другом месте моментально переворачивали.

Двери с шипением открылись. Салон засуетился, зашумел и стал опустошаться. Зевая, Буслаев вышел из автобуса.

Пригородный гипермаркет походил на гигантскую коробку. Вокруг застраивался микрорайон. Громадные краны по-

ворачивались медленно и ритмично, как ключики в заводных игрушках.

Меф стоял на асфальтовом поле, расчерченном на множество одинаковых клеток. Это были бесконечные парковки, отгороженные друг от друга рядами молодых одновозрастных березок. Вид березки имели солдатский и весьма бравый.

Меф уже с месяц собирался купить удобную сумку через плечо и подарок матери на день рождения, и вот сегодня все к этому располагало. Кроме зарплаты выдали неожиданную надбавку, и получилось, что жизнь отрезала щедрый ломоть бытового счастья.

Дафны с Мефом не было. Хотя Буслаев и просил, чтобы их всегда ставили вместе, смены регулярно «разъезжались». Сегодня Даф работала в «Пельмене», где вокруг наверняка приплясывал назойливый Памирджанов, для которого слово «нет» было бессмысленным сочетанием трех не вошедших в алфавит буковок. Зато когда смены Мефа и Памирджанова совпадали, Памирджанов запирался в туалете. Хоть он и плохо понимал слово «нет», зато хорошо соображал, что такое левой в печень, правой – в солнышко. Или двойное солнышко с левой – тоже пробивает на «ура».

С Дафной у Мефа все было хорошо. Даже пугающе отлично. Правда, все эти полтора месяца, прошедшие после сплава по Сереже, он ощущал хрупкость и непрочность их счастья. Ему казалось, счастье взято у кого-то взаймы, и этот

кто-то вот-вот подойдет и многозначительно кашляет, напоминая, что пора возвращать долг. Это чувство – хрупкости и непрочности – отравляло радость, но оно же делало ее светлой и пронзительной.

– Только бы тебя у меня не украли! – сказала позавчера Даф, и сама, казалось, испугалась своих слов.

– Меня у тебя? – не понял Меф. – И как меня украдут? По башке, в мешок и на органы?

Дафна посмотрела на него с укором. Буслаев обожал говорить шокирующие вещи. Точнее, пытался, потому что человек способен огорчить стража света только своей глупостью и неискоренимым желанием навредить самому себе.

Не желая продолжать тему, Дафна наклонилась и подняла с асфальта красный кленовый лист.

– Заметил? Кленовый лист похож на человеческую ладонь. У него тоже пять пальцев и много жилок.

– Что, правда? – усомнился Меф.

Некоторое время он разглядывал кленовый лист, придирчиво сравнивая его с рукой Дафны, даже наложил лист на ладонь, после чего уверенно сказал:

– Твоя симпатичнее! Если бы вместо рук у тебя торчали листья – мне это нравилось бы значительно меньше. Опять же опадающие осенью руки – это как в фильме ужасов. Идешь – повсюду руки валяются. Брр!

Даф вздохнула. Надо смотреть на вещи трезво. Все-таки Меф не романтик. От романтика у него только длинные во-

лосы и способность влипать в истории.

Буслаев вошел в гипермаркет и был сразу затоплен ярким светом, громкой музыкой, мелькавшими на мониторах картинками и деловитыми щелчками кассовых клавиатур. Полки уходили в бесконечность.

Это было настоящее царство Бессмертника Кощеева, который отморозил копчик, сидя на сундуках с золотом, и надумал наконец пустить денежки в дело. Здесь можно было купить все, за исключением, наверное, самолета. Но если очень постараться, то можно было купить и самолет.

Меф прошел через воротца и стал срезать, спеша миновать секции продуктов и поскорее оказаться в отделе сумок и рюкзаков. Странная закономерность: когда вещей вокруг слишком много, глаза не разбегаются, а, напротив, собираются в кучку и ничего не желают замечать.

Мельком Меф прикинул, хотел бы он, чтобы все эти вещи стали его собственностью, и понял, что скорее нет, чем да. Пиковое счастье – это поздний вечер накануне дня рождения, когда засыпаешь, зная, что утром будут подарки, но еще не получил их.

Если человеку дать все, о чем он мечтает, – сразу, внезапно, ни за что, то он наверняка зароет это и предпочтет мечтать заново. Сбывшиеся мечты – это тупик, вроде глухой стены в дальней части магазина. Обратного пути – скучно, вперед идти – некуда.

Проходя через отдел курток, Мефодий увидел знакомую

фигуру. Знакома она была уже тем, что со спины напоминала грушу: мягкая в плечах, к тазу она плавно расширялась. Время от времени обладатель мягкой спины останавливался и, глядя в сторону, будто случайно касался то одной, то другой куртки.

Убедившись, что к знакомой спине и голова приставлена знакомая, Мефодий подкрался и хлопнул Ромасюсика по плечу.

Шоколадный юноша – а это действительно был он – по-девичьи вскрикнул, подпрыгнул от неожиданности, что-то уронил и тотчас наступил ногой. Меф успел увидеть, что это открытый нож-бабочка с лезвием не длиннее безымянного пальца.

– Фуй! Как ты меня напугал! Буслаев, чего ты вечно подходишь как кошка? – набросился Ромасюсик на Мефа.

– Зачем тебе нож?

– Да так, – сказал Ромасюсик, быстро наклоняясь и поднимая его.

Рассмотрев одну из курток, Меф обнаружил, что она прорезана насквозь, включая подкладку.

– Гадишь? – спросил Меф.

Ромасюсик застенчиво свел вместе ручки и показал пальчиками расстояние сантиметров в пять.

– Совсем чуточку! – произнес он тоном барышни, которая признается, что вчера без спросу взяла у бабушки вишенку.

– Зачем?

Ромасюсик сам не знал, почему он гадит. Видимо, сам вопрос «зачем?», заданный себе вовремя, уменьшает количество дурачества в десять раз.

Из отдела курток они попали в отдел сумок. Ромасюсик топтался рядом, лез с советами и уходить никуда не собирался. Меф не мог ничего выбрать и злился на себя, жалея, что подошел к нему. Пару раз у него возникала мысль, что встреча неслучайна. В болтающихся без дела Ромасюсиков он не верил, даже если они и решили чуток погадить для души.

Наконец Меф выбрал сумку с большим количеством отделений и удобными карманами. Сумка была хороша всем, кроме цвета – огненно-рыжего. Меф же любил красный и синий.

– Как поживает Прасковья? – спросил Меф.

– О! О! О! – ответил Ромасюсик, вскидывая глазки к потолку.

Видимо, у него не было слов, как именно поживает Праша.

– Ясно, – сказал Меф.

– Ничего тебе не ясно! – заявил Ромасюсик и принялся жаловаться, как ему тяжело с Прасковьей.

Есть, мол, неэгоисты. Есть эгоисты ситуативные, которые хотя бы пытаются с собой бороться. Бывают эгоисты торгующиеся, любящие честный паритет (ты мне – я тебе). И, наконец, существуют эгоисты до такой степени, что вообще не понимают своего эгоизма. Они привыкли, что солнце светит

для них, и реки текут для них, и ветер дует для них. Человек, зараженный таким вирусом, всегда считает, что все ему всем обязаны, он же не обязан никому и ничем. Лигул взрастил из Прасковьи именно такую эгоистку. И он, бедняга Ромасюсик, с ней мучается!

– А ты не эгоист? – спросил Меф.

Ромасюсик скромно потупился.

– Обижает! Я один сын у мамочки! Как я могу не быть эгоистом?

– Я тоже один сын у мамочки, – сказал Меф задумчиво.

Услышав об этом, Ромасюсик полез обниматься и пожимать ему руку. Затем вдруг склонил головку набок, сделавшись похожим на толстую птичку.

– Ей что-нибудь передать?

– Праше?

– Да!

– Передавай привет!

– И все? – спросил Ромасюсик разочарованно.

– Все!

– Ну хотя бы большой привет?

Меф мысленно застонал. Он безошибочно ощутил, что большой привет Ромасюсик раздует до размера гигантского.

– Передавай средний привет! – сказал он.

– А большого, значит, не передавать?

– Большой будет на Новый год.

Ромасюсик заинтересовался. Для опытного сплетника это

была ценная деталь. Мощное оружие.

– Значит, сказать Праше, что ты напрашиваешься к ней на Новый год? Так, да?

– Слушай, сгинь, а?! – вспыхнул Меф.

Шоколадный юноша даже не попытался оскорбиться. Обижалка включалась у него только тогда, когда это было ему выгодно. Да и плюнуть в душу ему было невозможно по причине отсутствия объекта приложения слюны.

– А сам еще здороваться подошел, бяка ты такая! Ну прощевой тогда! Погоуил я: Праша вэйтить не лайкит!

Перед тем как попрощаться с Мефом, Ромасюсик долго обнимал его как старого друга. Меф вынужден был даже хлопнуть его ладонью по почкам, чтобы нежность ходячей шоколадки немного ослабела.

Избавившись от Ромасюсика, Буслаев отправился выбирать подарок матери. В конце концов он остановился на плетеной корзине, которая сочетала два хороших качества – дешевизну и величину. Меф стал пробираться к кассам. Он проходил продуктовые ряды, когда в спину ему уткнулось нечто твердое. Как обнаружилось позднее – палец.

– СТОЯТЬ!

От неожиданности Мефодий сделал резкое движение и рукой задел штабель кабачковой икры. Прежде чем консервные банки обрушились, Меф успел скакнуть вперед.

– Ты все такой же ниндзя, Буслаев! – прокомментировали сзади.

Меф обернулся. Перед ним стоял огромный банан и насмешливо глазел на него через сетчатую дырку.

– Рекламная акция! Купите три килограмма любых фруктов, и на кассе вас бесплатно шарахнут по башке! – сообщил он.

Голос был знакомый, но вот чей? Толстый слой поролоната все искажал.

– Ты кто? – спросил Меф.

– Че, не видно? Мандарин я! – представился банан.

Он оглянулся, насколько это вообще было возможно, и, схватив Мефа за рукав, куда-то его поволок. Довольно долго они петляли по узким заставленным проходам и наконец, обогнув бастион из коробок с кукурузными хлопьями, оказались в дачном отделе.

Это был остров посреди океана, окруженный живыми цветами в кадках. Плетеные кресла-качалки призывно поскрипывали. Надутые резиновые матрасы, лежащие на желтом стилизованном песочке, нашептывали несбыточную мечту о пляже. По матрасам ползали бумажные крабы с проволочными лапами. Под мангалами на мешках с углем был старательно разложен нарисованный огонь, на котором жарились поролоновые сосиски.

Без церемоний растолкав пестрый выводок раскладных стульев и пластиковых столов с зонтами, банан с размаху рухнул в полосатый гамак и задрал ноги.

– Классное место! Хоть целый день валяться можно: ни

одной камерой не просматривается! Лопухнулись товарищи из охраны! – со знанием дела сказал банан.

Его верхняя половина сломалась, и выглянула распаренная физиономия Чимоданова. По нему не читалось особого разочарования, что он лишился магии. Главным и огромным плюсом Чимоданова всегда было воспринимать вещи как данность. Закинь собаку на Северный полюс – она встряхнется, осмотрится и бойко побежит искать, где согреться, а человек будет ныть, стонать и размышлять, за что ему, умному и хорошему, такое наказание.

– Привет! – сказал Меф, протягивая руку.

В ответ ему неохотно сунули ватную трехпалую ладонь, имевшую размер боксерской перчатки.

– Уже, – буркнул Петруччо.

– Что уже?

– Здоровались.

– Разве? Когда?

– Ну когда-нить. Че повторяться-то? Один раз скажешь «здрасьте», а другие встречи уже прицепом. Если не прощаться, то и сойдет! А то башка пухнет помнить, кого сегодня видел, а кого нет.

Меф улыбнулся. Чимоданов был, как всегда, в своем репертуаре.

– Тебе не жарко? – сочувственно спросил Меф, наблюдая, как Петруччо, отдуваясь, вытирает пот со лба.

– Вихровой все равно хуже. Она в купальнике торчит в

моло€чке. Изображает тропическое лето! А знаешь, что такое молочка? Два ряда открытых холодильников и жуткий дубняк! Вчера их там трое было, сегодня две другие заболели! – злорадно поведал банан.

У дурака, как известно, две радости: первая радость – когда самому хорошо, вторая – когда другому плохо.

– А Мошкин тоже тут? – спросил Меф.

– Ага, ща! Будет он! Мошкин теперь на полиграф полиграфыча учится, – сказал Петруччо, пожалуй, даже с теплотой. – А ты поступил?

– На биофак. Пока на вечернее, а там, сказали, видно будет.

Чимоданов заинтересовался.

– А че там? Крыс режете?

– На дневном не знаю как. А мы вроде нет, – сказал Меф, проучившийся пока что только две недели.

– А лягушек?

Меф мотнул головой.

– А-а-а! – разочарованно протянул Петруччо. – А трупы? Трупов тоже не вскрываете?

Узнав, что трупы вскрывают в основном медики, Чимоданов разочаровался в Буслаеве еще больше. Меф пообещал себе, что в следующий раз будет всем говорить, что не вылезает из анатомички неделями и единственный не теряет сознание, когда все вокруг уже в обмороке.

– Лопать хочешь? – предложил Петруччо, толчком при-

двигая к Мефу коробку, набитую под завязку продуктами.

– А можно разве? – спросил Буслаев, выуживая из кучи глазированный сырок.

– Это можно. Просрочка, – пояснил Чимоданов, кивая на зачеркнутый фломастером ценник.

– Я думал: просрочку уничтожают! – сказал Меф, вспоминая докладные, которые писала на него Митина.

– А мы что делаем? – удивился Петруччо. – Не бойсь, не траванешься! Я знаю, что брать. Йогурты не тухнут, всякая нарезка колбасная тоже, а вот с творогом лучше не связываться, если дата пролетела... Кстати, тебе телевизор не нужен дешево? Тут пацанчик один телевизорами занимается. Нормальные телевизоры, новые, только без коробок.

Мефу телевизоры без коробок были не нужны. И с коробками тоже.

– Хозяин – барин. А как насчет мониторов? Тоже нет? Не краденые, не бойсь! Офисы всякие закрываются, а он скупает, – разочарованно сказал Чимоданов.

Петруччо, как всегда, был весь в комбинациях.

Ключом от квартиры Меф проткнул упаковку колбасной нарезки, вскрыл и понюхал. Пахло неплохо, хотя ценник и был перечеркнут.

– Только здесь ешь! По залу не светись особо! – предупредил Чимоданов.

– Почему?

– Чтобы уроды из охраны не пристали. А то прибегут и

будут вонять. Когда у человека мозги гнилые, они воняют обычно дурными словами изо рта.

– Чего ты злой-то такой? – удивился Меф.

Петруччо скривился:

– А ты попыхти тут с неделю! Начальник службы безопасности раньше в тюрьме работал. Играет в государственную границу, елы-моталы!.. Всюду карточки, шмарточки, зоны доступа. Даже своих шмонают, когда через служебку выходишь. Достали!

– Так вон же камера! А ты говорил: не просматривается! – спохватился Меф, замечая маленький черный глаз, смотревший на них в упор.

Чимоданов поднял глаза и лениво помахал ручкой.

– Скажи дяде чи-и-из!!!

– Сы-ы-ыр! Думаешь, не видно?

– Не бойсь! Знаешь, где у нее проводка проходит? По несущей колонне спускается, а внизу узел, где камеры по этой части зала разводятся. Вон за той решеткой – видишь?

– А у решетки постное масло! – сообразил Меф.

Чимоданов похлопал его по плечу.

– Точно, сын мой! Стратегически верно мыслишь! На второй день, как меня сделали «бананом», произошло короткое замыкание. Подчеркиваю: маслу положено разливаться.

Буслаев хмыкнул. Что ж, «бананы» тоже имеют право на маленькие тропические секреты.

Минут пять спустя, когда Меф, помогая на добровольных

началах гипермаркету, утилизировал просроченный йогурт, в дачном отделе возникла Вихрова. Злая и продрогшая. На Нате были белая юбка с нашитыми лепестками, желтый купальник и черная шапочка с усиками. Сзади к купальнику были прикреплены маленькие крылья.

– Ты кто, ромашка? – спросил Меф.

– Слепой, что ли? Пчела я! – простуженным голосом ответила Ната. И в самом деле: она была сердита, как пчела, и разве что не жужжала.

– А почему юбка белая, а не полосатая?

– Потому что пчела сидит на ромашке! Вот сейчас я присяду и буду на ромашке! Ясно тебе? Глаза протри!!!

Меф не понял, как можно одновременно быть и ромашкой и пчелой, но оставил свои сомнения при себе. Слишком заметно было, что Вихрова не в духе. Мефодия она не видела давно, но смотрела на него кисло, не пытаясь притвориться, что рада. Это было даже не равнодушие, а нечто более глобальное. Как для антарктического пингвина не существует африканского страуса, так и Мефа для Вихровой тоже не существовало. Они обитали на разных материках, между которыми не было морского сообщения.

– Уступи девушке место! – буркнула Ната Чимоданову.

– Перебеешься! – отвечал Петруччо.

Вихрова молча взяла двумя руками край гамака, дернула вверх и, стряхнув с него Чимоданова, как кучу мусора, улеглась сама. Оказавшийся на полу Петруччо без особой обиды

лягнул Вихрову через гамак и переполз на надувные матрасы.

Меф прикинул, что такой, как Чимоданов, вполне может стать мужем такой, как Вихрова. Они будут говорить друг другу «отвали!», раздраженно смотреть друг на друга и пинками вышибать друг из-под друга табуретки, если кто-то из них захочет присесть. И при всем том это будет прочная и вполне себе счастливая семья, поскольку оба принимают эти правила игры.

Послышался шум и звук «дреньк-дреньк», точно колесики спешили по плитам.

Кометой вырвавшись из дверей подсобки, по проходу прокатился на роликах деловитый худощавый мужчина лет сорока, в круглых очочках, строгом костюме, галстукe и белоснежной рубашке. На лице у него были написаны нетерпение и охотничий азарт. В одной руке он держал планшет с прикрепленной бумагой, а в другой – шариковую ручку. Не доехав немного до мангалов и матрасцев, он свернул в отдел садового инвентаря – царство леек и лопат. Пчелка и банан спешно залегли.

– Уф! Кажись, не заметил! – сказала Ната, трусливо высовывая голову.

– Кто это? – спросил Меф.

– Американец! Контрольщик! Кого подловит – тому лишнюю смену отработки! – шепнула Вихрова и, сорвавшись с места, кинулась в молочный отдел.

На купальнике подпрыгивали крылышки. Правое торчало вверх, точно было уже на взлете. Левое же определенно шло на посадку.

Петруччо встал и неспешно отряхнул колени.

– А ты почему не бежишь? Он же на роликах! – поинтересовался Меф у Чимоданова.

– В том-то и дело, – согласился Петруччо, таинственно прислушиваясь.

В отделе садового инвентаря послышался грохот. Из прохода, прыгая, выкатилось ведро и куда-то заспешило. Банан удовлетворенно ухмыльнулся.

– Что случилось? – спросил Меф.

– Я так думаю, шланг размотался! Покупатели, понимаешь, иногда разматывают, а замотать забывают. Особенно за поворотом, где сразу не затормозишь, – печально сообщил Петруччо.

Он вновь улегся на освобожденный Вихровой гамак и, раскачиваясь, пояснил:

– Это главная причина, почему ни одна страна никогда не завоюет Россию. А если и завоюет, то вылетит отсюда пробкой. У нас слишком развито партизанское мышление.

Чимоданов воровато огляделся, будто кто-то способен был подслушать его в наполненном музыкой и рекламой гипермаркете. Наклонившись к Мефу, он прошептал:

– Сейчас-то уж не вышибут, если спрошу... Неоткуда больше. Ты хоть что-то помнишь?

– И что я должен помнить?

– Кто ты такой.

– И кто я такой? – спросил Меф.

– Повелитель мрака... только тебя вроде как отфутболили!.. И нас вместе с тобой! – сказал Чимоданов, с прищуром всматриваясь в Мефа. – Что ты об этом думаешь? Не хочешь с ними со всеми разобраться?

– Еще колбаска-то есть? Как-то с колбаской у тебя хиленько! – произнес Меф, заканчивая ревизию просрочки.

Если Чимоданов и ожидал особой реакции, то он ее не дождался.

Петруччо подождал еще немного и сердито встал.

– Ну ты больной! Подчеркиваю: я же тебе правду сказал! Ты любимый ученик Арея! И дрался ты классно! Только Лигул Арея подсел, а ты перебежал к свету! Мог бы все иметь, а сейчас что? Подносы таскаешь в забегаловке! В походы ходишь комаров кормить! Отдых для нищих! – воскликнул он, неохотно нахлобучивая костюм.

Банан перелез через ограждение дачного отдела и неуклюже затопал по ближайшему проходу. Слово «до свидания!» Чимоданов никогда не говорил из тех же соображений, что и «привет!». Иногда, правда, бросал «давай!» или в виде великого одолжения «ну давай!».

– Все бы неплохо! Но башка внутри ужасно чешется, а почесать нечем! Руку не подсунешь! – пожаловалась демоническая личность, уныло махнув Мефу желтой варежкой.

Вскоре после ухода Чимоданова Меф тоже заспешил. Спрятав коробку с просрочкой между пачками с шашлычным углем, он направился к выходу из гипермаркета.

У кассовой зоны, когда Буслаев проходил через рамку, его свежескупленная сумка вдруг зазвенела. В ту же секунду рядом выросли два охранника в синих рубашках. Один средних лет – мощный, усатый, спокойный, с округлым брюшком и цепью, висевшей высоко, на ключицах. Другой молодой, поджарый, с рытвинами от сошедших угрей и, как определил Меф, «дерганый». Такие всегда легко распускают в конфликтах руки, и вообще движения у них сильно опережают голову.

Меф особенно не встревожился. Он и прежде звенел в разных магазинах, особенно в книжных, когда кассирша забывала «погасить» магнитом защиту.

«Прав был Чимоданов. Устроили тут государственную границу!» – подумал Буслаев.

– В чем дело? Кому звоним? – нагленько поинтересовался поджарый охранник.

– Без понятия, – ответил Меф.

– Дай-ка! – дружелюбно сказал моржеусый, вежливо, но твердо забирая у Мефа новоскупленную сумку. – Чек есть?

Меф сунул руку в карман и показал чек. Моржеусый мель-

ком взглянул на него, но сумку не отдал и стал зачем-то тщательно ощупывать ее через ткань.

– Ну? – сказал Буслаев нетерпеливо.

Ему неприятно было, что вокруг собирается народ и что на него смотрят, как на магазинного воришку. Пока усатый ощупывал сумку, «дерганый» не спускал глаз с Мефа, одновременно придерживая его за запястье.

Внезапно усатый издал торжествующий звук. Открыл на сумке молнию и заглянул. Меф тоже заглянул и увидел, что вся она набита женскими маечками. Буслаев дико уставился на них. Что за бред? Откуда они у него?

«Неужели Чимоданов?» – мелькнула у Мефа паническая мысль.

Он вспомнил, как Петруччо с интересом разглядывал его сумку. Зато у охранников даже и вопросов не возникло, для какой цели Буслаеву могут понадобиться женские майки.

Моржеусый взглянул на ценники маек и пошевелил губами, что-то прикидывая.

– Ситуация: пять-один. Попытка проноса на большую сумму... Повторяю: пять-один, – сказал он в рацию.

– Это не я! Зачем мне женские шмотки? Это же глупо! – сказал Меф. Ему казалось, аргумент в его защиту был надежным.

– Нам-то че объяснять? Мы на работе. Следовательно объяснишь, че ты с ними делать хотел. А не объяснишь – годика на два сядешь. Если повезет – условно, – миролюбиво сказал

моржеусый.

– Молодой еще выйдешь, красивый, новую жизнь начнешь! А теперь топай давай! Топай! – ехидно добавил «дерганый» и подтолкнул Буслаева в плечо.

Перед глазами у Мефа точно алую ткань растянули.

«Все пропало! Дерись, или ты погиб!» – сказал чуждый голос внутри, и, поверив ему, Буслаев спустил себя с тормозов.

– Да пошел ты! – сказал он, не задумываясь, что говорит, и вырвал у «дерганого» руку.

«Дерганый» попытался его схватить, но промахнулся, потерял равновесие и мазнул по лицу чем-то холодным, но не острым – видно, обручальным кольцом. Меф и так был напряжен, а тут от боли в нем будто боевая пружина сорвалась. Не задумываясь, что делает, он захватил парня за плечо и, чуть потянув на себя, левым коленом ударил его в печень. Колено едва опустилось, а Меф уже «на взрыве» доработал в то же пробитое место кулаком.

Охранник даже не согнулся, а точно вмялся и сполз. Лицо его посерело.

Усатый, не растерявшись, сгреб Буслаева за ворот ветровки и рванул на себя. На мгновение ноги Мефа даже отделились от земли – рывок был борцовский, мощный. Меф упал на спину, больно ударившись лопатками и едва ухитрившись сберечь затылок как более ценное свое достояние. Моржеусый поволок его, мешая подняться и свободной рукой от-

стегивая от пояса наручники. Меф сообразил, что охранник сейчас навалится на него, придавит всем весом, перевернет лицом вниз и попытается защелкнуть ему запястья.

Сообразив, что куртка не застегнута, Меф вытянул руки и позволил ей соскользнуть. Теперь он был свободен, но, увы, только частично. Руки были скованы застегнутыми на пуговицы рукавами ветровки, вывернутыми наизнанку.

Сообразив это, моржеусый ухмыльнулся и продолжил тащить Буслаева за ветровку. Меф с усилием перекатился на живот и вскочил. Не выпуская куртки, охранник шагнул к нему. Меф чуть присел и, когда ветровка на секунду провисла, ударил его локтем. Удар пришелся в челюсть, причем самой правильной частью локтя.

Послышался глухой звук, какой бывает, когда кий бьет по шару. Усатый рухнул. Наступив на ветровку и высвободив застрявшие кисти, Меф рванул к выходу. Выскочил на стоянку и в запале перебежал дорогу перед отходящим автобусом, мазнув бедром по его фаре. Водитель дал запоздалый сигнал, когда он был уже далеко.

Петляя между автомобилями, Меф промчался метров пятьдесят. Оглянулся. За ним никто не гнался. Правда, краем глаза Буслаев видел, как охранник на стоянке, отделенный от него тремя-четырьмя рядами машин, тревожно говорит что-то в рацию. Вот он уже поворачивается, озирается, но Мефа пока не замечает. Сообразив, что бегущий человек первым привлечет его внимание, Меф заставил себя

остановиться. Это было тяжело, потому что сердце еще несло куда-то. Вместо того чтобы пересекать парковку, Меф, смешавшись с толпой, отправился обратно к гипермаркету – в зону погрузки.

Дама средних лет, похожая на грустного, очень домашнего ослика, с усилием вытягивала из тележки тяжеленный пакет. Меф подхватил его и переставил в открытый багажник.

– Спасибо! – сказала женщина.

– Да не за что! До Москвы не подбросите? – попросил Меф.

Дама посмотрела на него, видно, взвешивая, насколько Буслаев способен треснуть ее по голове.

– Ладно, садись. А корзину свою и – что еще там у тебя? – на заднее сиденье бросай! – согласилась она очень печально.

«Все меня используют! Муж, дети. Даже и этот помочь не мог просто так! Бедная я!» – говорил весь ее невеселый вид.

– Корзину? – удивился Меф, опуская глаза.

Оказалось, что, убегая из гипермаркета, он зачем-то захватил с собой громоздкую корзину и сумку с майками и все время тащил их с собой. Маразм!

«Значит, барахло это я все-таки украл!»

– Так ты ставишь корзину? – поторопила дама.

– А, ну да! – сказал Буслаев, закидывая корзину через открытое стекло в салон.

Дама села, долго искала ключ, долго пристегивалась, долго выруливала, вертя туда-сюда головой. Мефу хотелось за-

орать «скорее!», но он понимал, что грустных осликов не торопят. Они от этого останавливаются и вообще никуда не идут.

– Какой-то ты взмокший. Бежал? – спросила дама, останавливаясь, чтобы пропустить микроавтобус, который сам их пропускал, назойливо сигналив фарами.

Меф провел рукой по лицу. Действительно, мокрое. Даже брови и те влажные. На пальцах капли остаются. И как только его в машину посадили? Он же похож на полного психа! Да и рубашка порвана. Должно быть, усатый все-таки успел в него вцепиться.

Теперь, когда сердце уже не стучало так бешено, до Мефа постепенно доходило, что он только что натворил. Если его теперь найдут, условным сроком точно не отделаешься.

– Подарки покупал? – спросила дама, считавшая своим долгом всю дорогу разговаривать.

– Угу, – сказал Меф.

– Родителям?

– Маме.

Лицо загнанной жизнью дамы выразило полное согласие с тем, что папам ничего покупать не надо. Русская национальная игра: хочешь обрадовать маму, скажи ей, что не любишь папу.

– И как тебе гипермаркет? Хороший, правда? – спросила она потеплевшим голосом.

– Ничего. Нормально.

– Ты просто как мои дети! – возмутилась дама. – Почему вы не говорите «понравилось», а говорите «ничего» или «нормально»?

– Не хочу говорить то, чего от меня ждут.

– То есть, по-твоему, слова «нормально» от тебя не ждут?

Никто не догадается после десятого повторения?

Меф скосил глаза. Покидая зону парковок, они проезжали мимо двух охранников, напряженно озиравшихся по сторонам. Машину они, однако, пропустили без проблем. Их куда больше интересовали пешие. Меф на всякий случай отвернулся, хотя понимал, что через частично затемненное стекло машины узнать его невозможно, да и кого узнавать? Вряд ли у этих охранников уже есть его описание. Разве что самое приблизительное: парень среднего роста, молодой, в рубашке с короткими рукавами. Волосы – длинные.

Замотанная дама высадила Мефа у метро. Буслаев вышел, открыл заднюю дверь, взял корзину, перекинул через плечо сумку, поблагодарил. Двигался он на автопилоте. Десять минут назад, когда они стояли в пробке при въезде в город, он сообразил, что в руках у моржеусого осталась его светлая «тряпичная» куртка, а в ней – паспорт. Да и сама драка наверняка происходила перед камерами слежения.

«Купите три килограмма любых фруктов, и на кассе вас бесплатно шарахнут по башке!» – вспомнил Мефодий слова Чимоданова.

Вот уж точно: случайных слов не бывает, даже если они

кажутся случайными тому, кто их сказал. В словах человека порой проявляется правда, которая выше самого говорящего. Это ярко проявляется в некоторых песнях. Например, поет человек: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели!» и не понимает, что поет. Кажется ему, что нечто героическое.

Мобильник Мефа завибрировал. Он механически нашарил его на поясе, вытянул из футляра. Номер определялся неизвестный.

– Алло!

– Это Ромасюсик! Узнаешь такого? – послышался бодрый голос. – Ты не мог бы мне чуток похэлпить? Я тут выбрал Прашечке несколько маечек и не соображу, куда их сунул. Вот я и вонтю аскнуть тебя по-квиклему: они к тебе случайно не попадали?

– Гадина! – выдохнул Меф.

– Моих личных качеств обсуждать не будем! – деловито затарахтел Ромасюсик. – Если хочешь, чтобы все закончилось хорошо, Прашечка ждет тебя ровно в четыре на станции метро «Новокузнецкая» – в центре зала. Как до «Новокузнецкой» доехать, сообразишь?

Когда трубка отключилась, Меф сгоряча стал нажимать на ответный звонок, желая высказать Ромасюсику много чего. Он кипел как чайник, и пар, накопившийся внутри, требовал выхода.

Однако вместо Ромасюсика всякий раз отвечала говор-

ливая особа из агентства недвижимости, которая на каждое слово Буслаева выстреливала ему десять. Только после третьего перезвона Меф сообразил, что Ромасюсик его одурачил. А тут еще и сама особа принялась названивать, спрашивая Мефа про какого-то Павла Прокопьевича, с которым она его по одной ей понятной причине связала.

– Передайте Павлу Прокопьевичу, что приличные люди так не поступают! – заявила она.

Меф пообещал передать и выключил телефон, для надежности отсоединив аккумулятор.

«Новокузнецкая!» – повторил он себе и направился к метро, в подробностях представляя, что сделает с Ромасюсиком и ощущая зуд в кулаках.

До метро было шагов двадцать, однако Меф их почему-то пройти так и не смог. Асфальт стал уплывать у него из-под ног, а крупная буква «М» по неясной причине отползать куда-то вбок.

Не осознавая, что делает, Меф вцепился в плечо незнакомому парню, стоявшему у газетного киоска, и стал мять ему свитер. Тот обернулся и оттолкнул его руку.

– Ты что, оборзел?

Меф отпустил свитер. Он описывал петли как пьяный. У него кружилась голова. Лицо заливал липкий пот. Желудок сжимался, будто он отравился просроченными йогуртами, но рвоты не было.

Понимая, что в таком состоянии в метро идти никак

невозможно, Буслаев перешагнул низкий заборчик и, волоча ноги как паралитик, побрел за павильон. Там грелись на солнышке двое бездомных, между которыми стоял мешок изпод сахара, полный бутылок. Бездомные смотрели на Мефа и улыбались ему пятью зубами на двоих.

Один, отламывая, бросал хлеб бродячей собаке, которая его не ела, но вежливо нюхала.

– Не жрешь? Ну и не жри! Колбасе продаться – знаю тебя! – с обидой говорил он ей.

Собака понуро опускала морду. Хвост вилял то быстрее, то медленнее, реагируя на интонацию. Заметно было: ей приятно, что с ней разговаривает человек. Пару раз она вежливо поднимала хлеб, держала его во рту и снова роняла.

Меф привалился плечом к стене, чувствуя, что без опоры ему не устоять. Мир то сужался, то расширялся. Все, что вокруг, казалось иллюзией.

Те люди, которые были далеко, стали вдруг близко, а тех, что близко, вроде как и не существовало вовсе. На бетонном заборе было некрупно и с болью написано краской: «Андрюша, спасибо тебе за все, но ты мерзавец!!!», а чуть ниже огромными жирными буквами: «НА ЛИЦ, ПАЧКАЮЩИХ СТЕНЫ РЕКЛАМОЙ И СВОИМИ МЫСЛЯМИ, НАЛАГАЕТСЯ ШТРАФ!!!» А под этой второй надписью некий остряк-самоучка подписал баллончиком «Андрюха».

Меф понял, что значение слов от него ускользает. Всякий смысл рассыпается прахом, едва касаясь сознания. Зато он

безошибочно и надежно вспомнил, что рапира с очень длинным клинком, легкой гардой и широким круглым щитком называется фламбержем. Более того: с нереальной четкостью представил себе, как он работал бы самим фламбержем и как он работал бы против фламбержа.

За павильон метро заскочила испуганная женщина. К груди она прижимала стремительно расплзающийся желтый пакет. В трех метрах от Мефа пакет порвался окончательно. На асфальт хлынули яблоки. Женщина попыталась удержать сразу все, но именно по этой причине не удержала ни одного. Последнее яблоко коварно прыгнуло у нее с рукава, миновав ладонь.

Меф смотрел на желтый лопнувший пакет и ощущал, что и у него внутри что-то рвется, будто невидимые пальцы сдирают с памяти оберточную бумагу. Там, где совсем недавно – только сегодня утром – росли цветочки и березки, все было ясно, понятно, привычно – дом, мать, Эдька, университет, Дафна, – теперь темнели безобразные провалы.

Это было так жутко, что Меф ощутил себя птенцом, который, выбравшись из скорлупы, вновь пытается в нее забраться. Страшно! Вокруг все огромное, новое – деревья, небо, заборы, коршуны. В скорлупу хочу, в скорлупу! Там тепло, уютно и ничего, кроме яичницы, тебе не угрожает!

Однако скорлупа уже осыпалась, и цыпленка никак не вмещала.

Пришлось встряхнуться, расправить крылья и признать,

что курорт закончился и началась собственно жизнь.

Глава 2

Должник Мамзелькиной

Первый шаг к свету – оставить свою помойку при себе и не делиться ею с другими. Второй – хотя бы вчерне разгрести ее.

Неформальные разговоры златокрылых

– Расскажи мне сказку! – надув губы, потребовала Ирка. Сегодня она болела и имела право на капризы.

– А самой почитать? – вздохнул Багров и слетел со стула, контуженный брошенной подушкой.

Валькирии не мажут, даже если у них смертельная температура «тридцать семь и два» и за вечер они чихнули целых четыре раза.

– Рассказывай! Не сачкуй!

Матвей встал и потянулся, коснувшись пальцами низкого потолка «Приюта валькирий».

– Ну хорошо! Сказку так сказку! – сдался он. – Жили-были двое домовят: Штонибудька и Ктонибудька. Ктонибудька была женского пола, а Штонибудька – парень. Ктонибудька выглядела примерно так... э-э...

Взгляд Багрова остановился на Иркином лице.

– У нее были... м-м-м... полукруглые брови, нос такой средний. Подбородок тоже... не большой и не маленький.

Справа у носа, если смотреть со стороны самой обладательницы носа – две или три веснушки. Вид бодрый, но под глазами небольшие синие круги от запойного чтения. Губы покусанные, но тоже вполне симпатичные. Уши... повернись ухом! Мне не видно!

Поворачиваться ухом Ирка не стала.

– Домовых женского пола не бывает! – сказала она.

– Бывают!

– Не бывает! У Антигона спроси!

Багров высунулся и окликнул Антигона. Кикимор вскарабкался по канату. Он был снаружи, играл с Зигей.

– Понимаете, гадская хозяйка! Тут такая штука... Девушек-домовушек действительно нету, но численность-то поддерживать надо. Вот мы и женимся на кикиморах! – занудно сообщил Антигон.

– Вот-вот! Оговорочка принимается! Значит, Ктонибудька была кикимора! – охотно согласился Багров.

Ирке захотелось швырнуть в него еще одной подушкой, предварительно зашив в нее кирпич.

– Штонибудька и Ктонибудька любили друг друга так, как на это способны только домовые, – сильно, пламенно, верно. Вечерами они залезали на трубу, из которой вылетали искры, и, ощущая, как жар греет им спины, мечтали о будущем, – продолжал Багров.

– Перемотай запись немного вперед! – попросила Ирка.

Матвей вздохнул.

– Ну хорошо. Однажды Штонибудька отлучился, а в его отсутствие пришли гномы. Их было много. Король гномов собирался жениться на Ктонибудьке.

– Но она, конечно, любила Кактотамку! – подсказала Ирка.

– Сама ты Кактотамка! Штонибудьку! – сурово поправил Багров. – Разумеется, любила. Ктонибудька отстреливалась, пока у нее оставались патроны. Била по гномам наверняка, короткими очередями. Когда патроны закончились, она отшвырнула автомат «Вал» с интегрированным ПБС¹. Теперь он был бесполезен. Руки у нее дрожали. Ктонибудька подняла горячую гильзу и понюхала ее. Потом достала нож и уколола себе руку. «Я люблю тебя, Штонибудька! Прощай!» – написала она своей кровью на стене и, прислонившись к ней спиной, стала ждать. К ней подошел король гномов, мерзкий урод с треугольными зубами. «Ты убила восемнадцать моих гномов, Ктонибудька! Согласна ли ты стать моей женой?» – спросил он.

– «Да, согласна! Протяни палец! Вот тебе обручальное кольцо!» – сказала Штонибудька королю гномов и надела ему на палец кольцо от гранаты, – предположила Ирка.

В последних сказках Багров все чаще вооружал своих гномиков огнестрельным оружием, хотя начинал скромно: с пик, шестоперов и боевых топоров.

– Не влезай в мою сказку! – возмутился Матвей.

¹ ПБС – прибор беззвучной и беспламенной стрельбы.

– Так нет?

– Нет! Все было не так!

– Хочешь сказать: она согласилась?

– Не согласилась, но патроны у нее тоже закончились. «Ни за что! – воскликнула Ктонибудька. – Я не стану твоей женой! Я буду любить одного Штонибудьку, даже если он меня забудет!» «Считай, что он тебя уже забыл!» – сказал король гномов. Он вырвал у одного из своих солдат штурмовую винтовку «Хеклер унд Кох» и выстрелил в Ктонибудьку. Один выстрел. В грудь. «Штонибудька отомстит за меня!» – прохрипела Ктонибудька, и изо рта у нее пошла кровь. Она умерла. А потом вернулся Штонибудька... – с волнением произнес Багров.

– ... и началось крошево. Сразу колись: Штонибудьку в конце грохнули? Ну когда он уже прикончил короля гномов? – спросила Ирка внешне равнодушно.

– Да-а-а... Он вшил себе в желудок пластиковую взрывчатку с особым детонатором, который срабатывает от воды. Прорвался в замок короля гномов, многих убил, но был схвачен. Когда король гномов приблизился к нему, чтобы его прикончить, Штонибудька попросил фляжку напитаться и рванул всех, кто был рядом! – разочарованно протянул Багров.

Как всякому сочинителю, ему было досадно, что пришлось досказывать в спешке. Ирка повертела головой. Шарф, намотанный на шею, чтобы болеть долго и со вкусом,

кололся и портил все удовольствие. Приходилось или признать, что с горлом у нее все в порядке, и снять его, или терпеть дальше.

– Восемь-шестнадцать! – сказала валькирия-одиночка. У нее была хорошая память, цепкая на подробности.

– Что восемь-шестнадцать? – не понял Багров.

– Восемь сказок – шестнадцать трупов, не считая убитых врагов. За последние две недели ты рассказал мне восемь сказок. В каждой было не менее одной пары героев, любивших друг друга больше жизни. Девушка всякий раз (Ирка погладила себя по голове) была само совершенство, а парень – жмот и авантюрист.

– Почему жмот и авантюрист? – возмутился Багров.

– С девушкой своей не сидел и бродил непонятно где, хотя знал, что вокруг – толпы гнусных гномов. А жмот потому, что патронов всегда оставлял в обрез, на два с половиной бабаха. И все оружие с собой утаскивал, кроме кривой вилки. На самом деле он хотел, чтобы ее прихлопнули, а ему было бы за кого мстить и самому погибнуть. И разумеется, что хочешь, то и получишь. Только получишь не то, чего ЯКОБЫ ХОЧЕШЬ, а то ЧЕГО ХОЧЕШЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, – сказала Ирка.

Матвей задумался.

– Ну почему всех ухлопали? Один в живых остался. Из первой сказки, – припомнил он, защищаясь.

– Угу. Только получил девять разрывных пуль в живот и

метательный нож в спину!

– Ты уверена, что девять? – огорчился Багров. – Хм... Ну, может, они были на излете и броник выдержал?

– А нож в спину?

– Скользнул по лопатке. Да и вообще парень-то был упырь. Ему это как слону дробина.

– Нет, – сказала Ирка. – Не нравятся мне твои сказки! Воображаю, что бы ты сделал из Андерсена. Герда берет пистолет «ЗИГ-Зауэр» и идет глушить Снежную королеву.

– Пистолет? Так она тебя и подпустит с пистолетом! Тут снайперку надо брать! – запротестовал Багров.

Ирка поморщилась.

– В жизни так не бывает, – сказала она.

– Бывает, – не согласился Багров.

– Может, и бывает, но редко. В одном случае из миллиона. В жизни никакой король гномов не нужен. Ктонибудька и Штонибудька скорее всего придумают себе несуществующее чувство, хотя до этого даже и друзьями не были. Тупо и нездорово любить того, кто тебе даже и не друг, кому ты элементарно по-человечески не доверяешь – ты не находишь? Или расстанутся из-за такой ерунды, что через два года самим смешно будет. Правда, за эти два года каждый навалит столько глупостей, что потом уже никогда не срастется. Ссора и спешка – самые тупые лекарства.

Багров слушал Ирку рассеянно. Он, видимо, все еще строил планы ликвидации Снежной королевы, которую охраня-

ли дивизии снеговиков.

– В общем, мысля такая, – подытожила Ирка. – Есть любовь и есть «любо-у-фь». А у твоих домовых где-то посередке.

– И что же им тогда делать?

– Терпеть друг друга, чего бы это ни стоило. И вообще поменьше торопиться. Короче: чем больше хочется пороть горячку – тем больше надо ее отпарывать!

Багров воспринял слова Ирки слишком по-своему и внезапно, почти без повода, разозлился. Ирка давно заметила: каждый слышит лишь то, что может, а совсем не то, что ему говорят. Скажи трем разным людям: «Я не могу пойти в кино!» Первый услышит, что ты не хочешь пойти именно с ним и с горя наглотается канцелярских скрепок. Другой решит, что у тебя болит голова и ты готовишься к экзамену. И лишь третий верно угадает, что кино для тебя слишком интеллектуально, и отведет тебя на футбол.

– Слушай: вам, светлым, как-то очень многого нельзя! Прямо не жизнь, а тюрьма! – сказал Багров, потирая распухшую переносицу.

Рентген показал, что трещины нет, но все равно под правым глазом был насыщенного цвета фонарь, а под левым – фиолетовая смазанная тень. Позавчера Матвей зачем-то поспорил с Ирккой, что подойдет к Таамаг и поцелует ее в щечку. Спор-то он, конечно, выиграл, но переносица при этом пострадала.

Багров во многом был противоречивый персонаж. Когда у него все было плохо и он без пищи и сна бежал по лесу с волчицей на поводке, падая где придется от усталости, он задумывался, страдал и просветлялся. Когда же все было благополучно, и Ирка рядом, и близкой опасности лишиться ее не наблюдалось, – темнел, становился жестким и циничным. Казалось, чтобы Багров оставался хорошим, его надо постоянно, день и ночь, стучать по лбу и ломать об него палки. Чтобы пластилин оставался мягким, его надо непрерывно разминать. Оставленный же в покое, он моментально станет жестким, как бревно.

Ирка пожала плечами. Фраза «вам, светлым» ей не понравилась. Она как минимум подразумевала, что «нам-то, темным, можно все».

– А тебе какое «зья» нужно? «Сердечная лавочка закрыта в связи с тотальной переоценкой ценностей!» – напомнила Ирка.

Это фраза ей ужасно нравилась. Она даже собиралась вывести ее на принтере и повесить на дверь.

– Все равно тюрьма! Тюряга! – повторил Багров с вызовом.

– Кому как, – заметила Ирка. – Тебя послушать, так самая полная свобода – в Нижнем Тартаре. Убивай, кради, друзей предавай...

– Это не свобода. Свобода – это когда в любой ситуации ты можешь сказать как «да», так и «нет», – заспорил Баг-

ров. – А если того нельзя, сего нельзя – это не свобода. Мне так не нравится, когда тебе все заранее навязывается.

– Ничего тебе не навязывается. Выбор-то всегда за тобой. Просто тебя честно предупреждают: выпьешь воды из лужи – козленочком станешь. Если ты, конечно, заранее не овцебык. Я уже повыла на луну – мне хватило. И вообще, если ты такой свободный и делаешь все, что хочешь, – иди разбей часы на Спасской башне!

– Да запросто! – сказал Багров, вставая. – Стрелку с собой минутную притащить, чтоб ты поверила? Хотя она небось окажется метра три.

– Прр! Отбой! – притормозила его Ирка. – Я забыла, что ты случай особый. Для тебя часики распатронить – не геройство.

– Почему это не геройство?

– Потому что ты некромаг и ничем не рискуешь!.. Вот ты говоришь: «да»-«нет»! Как бы не так! Легко психу сказать себе «не психуй!», обжоре – «не ешь!», а трусу – «не убеги»? Поэтому в варианте «да» и «нет» – будет всегда «да-да-да-да-да-да».

Матвей провел пальцем по переносице и поморщился.

– Вроде в челюсть не били, а улыбаться все равно больно, – сказал он задумчиво. – При чем тут все это? Ты не понимаешь! Я тебя просто люблю! – беспомощно сказал Матвей.

– Вот именно. Просто. Ты меня просто, а я тебя сложно! –

неосторожно ляпнула валькирия-одиночка и, покраснев, отвернулась.

С ней вечно так случалось: погонится за красным словом и случайно брякнет правду.

* * *

Ирка поболела часов до четырех, после чего осознала, что болеть ей дольше не хочется, и позволила себе выздороветь. Привычно лоя руками узлы, она спустилась по канату и отправилась сменить Антигона, выпасавшего Зигю.

Зигя сидел в песочнице и, сопя, насыпал песок в четыре трофейных ведра и одну красную грузовую машину. Ведра и машина достались ему как трофей после других детей, которых при приближении Зиги в панике растащили их мамы. Одиночество угнетало гиганта. Он грустил, что с ним никому не разрешают играть. Вроде как и шорты на нем новые, и пляжные тапочки восхитительно шлепают при ходьбе, а вот сидит себе в песочнице один, и все тут. Даже лопаткой треснуть некого.

Майки он носить отказывался – любая майка резала ему под мышками. Мощные мышцы торса раздувались так, что, казалось, кожа рискует лопнуть. Руки провисали до колен. Заросшую ржавой шерстью грудь рассекали четыре грубо зашитых шрама, не считая пулевых, которые заросли сами. На правом плече клеймо:

Внимание! В случае гибели не подходить ближе 10 метров – самоуничтожение!»

Если добавить к этому мощные надбровные дуги, лысый череп и вмятину от палицы на лбу, то дальнейшее описание можно оставить.

Ирка стояла рядом, сдувая с глаз челку, читала книжку и ощущала себя не столько валькирией-одиночкой, сколько матерью-одиночкой. Зигю ей спихнули Эссиорх с Улитой, заявив, что кто доброе дело начал, тот его и доделывает. Принцип-то хороший, ничего не скажешь. Правда, новых добрых дел после него начинать уже не хотелось.

Август и начало сентября Ирка по внутреннему ощущению провела неплохо, только вот обострилась прежняя ее болезнь – многочитательность. Или точнее: *чтопопалочитательность*. В запойном чтении проходила большая часть дня. Читала она до одури, до физической тошноты, внутреннего опустошения и ряби в глазах. Нередко после книжки ей мерещилось, что автор попинал ее ногами, с чувством откашлялся, повернулся спиной и удалился, виляя сутулыми лопатками.

– Это оттого, что ты читаешь книги, чуждые тебе. Если чувствуешь, что с книгой что-то не так, фальшь, ложь, чужеродность – откладывай. И с фильмами то же самое! Не досматривай, если возникнет ощущение, что он какой-то не такой! А то так сам себе нагадишь – трактором не уберешь.

По себе знаю, – как-то по-дружески заявила ей Бэтла.

Она переехала жить на красную ветку, на Большую Черкизовскую улицу, и заглядывала почти каждый день.

– Как же я могу не закончить книгу, когда я уже ее начала? – озадачилась Ирка.

Валькирия сонного копья улыбнулась.

– В том-то и проблема. Жадность губит фраера, а перфекционизм – вечную отличницу.

Любовь к чтению сближала Ирку с Матвеем. Правда, имелось существенное отличие. Ирка как идеалистка читала для того, чтобы честно жить по-прочитанному. Багров же потреблял литературу скорее как грамотный складыватель буквочек, с позиции: «Ну-с, чем вы меня еще порадуете?»

К тому же Ирка читала ежедневно, без пауз, а Матвей запойно. Он мог прочитать три книги за два дня, а потом не читать, допустим, месяц. Новую порцию впечатлений и мыслей он заглывал жадно и не разбирая, как крокодил добычу, после чего долго – несколько дней или недель – ее переваривал.

Недалеко от площадки стояли две девушки, связанные одними, честно разделенными наушниками. Одна все время повторяла «мой парень, мой парень...», при этом отчаянно завираясь. Другая молчала и тихо завидовала.

«А парень-то знает, что он твой? Может, ему до сих пор мерещится, что он свой собственный?» – рассеянно подумала Ирка.

Ей вспомнилось, как когда-то, такой же ранней осенью, они с Бабаней поехали в парк на Таганке, где Ирка крутила колеса коляски и смотрела на листья, испытывая такое же внезапное, ничем не обусловленное счастье. А теперь вот у нее есть и ноги, и копые света. Желать чего-то еще глупо – три мяча для большого тенниса в одной руке не удержишь. Пожалуй, даже лучше, когда к радости примешивается легкая печаль. Она предохраняет радость от того, чтобы та завалилась в дурацкое ржание.

Наконец врущая девушка перестала врать и изумленно уставилась на Зигю, который пытался нахлобучить на свою лысую голову ведро с песком.

– Спросить можно? Он тебе кто? – не удержавшись, спросила она у Ирки.

– Ты о ком? – не поняла Ирка.

– Ну вот этот! – палец с длинным ногтем указал на Зигю.

– Мой парень! – сказала валькирия.

Сотрясая землю, к ним подошла плачущая собственность мрака инв. № 8775-913.

– Мамуль, у меня песок в глаза попал! – пожаловалась она.

* * *

Багров еще некоторое время потоптался в «Приюте валькирий», толком не зная, чем ему заняться. Он скучал. Когда время течет слишком медленно, хочется выть на луну и

подпрыгивать. Когда слишком быстро – поджимать колени, хвататься руками за стены и тормозить. Эх, взять бы и раз и навсегда уяснить, что происходит именно то, что должно происходить!

К Ирке и Зиге Матвей не пошел, потому что гигант вчера утром ткнул его пальцем в грудь и предупредил: «Ты жлой и противный! Ты вчера лук резал, и мама Ира плакала! Я тебе голову отолву!»

Матвей не то чтобы испугался, но принял это к сведению. Он давно понял, что у Зиги переносных смыслов не бывает.

Спустившись по канату, Багров отправился гулять. По аллее навстречу ему прошли двое с новой коляской, в которой лежал новенький младенец. Родители ссорились, споря, кто будет везти коляску.

– Это я с тобой мучаюсь! – говорила юная мать.

– Нет, я с тобой! – отвечал юный отец.

– Я – больше!

– Ты??? Ты даже мучиться не умеешь!

– Я не умею??? Это ты не умеешь!

«Идеальная и счастливая пара! Прямо как мы с валькирией!» – подумал Багров.

Вскоре он набрел на свежеекрашенную скамейку, где сидела маленькая девочка с упрямым ртом, у которой было полторы косички. Куда делась еще половина косички, Матвей так и не понял. Возможно, ее отстрелил пулей злобный король гномов.

– У тебя теперь юбка полосатая! – сказал Багров.

– Не полосатая! – возразила упрямая девочка.

Матвей увидел, что она сидит на объявлении «Осторожно! Окрашено!». Он потрогал скамейку пальцем и, убедившись, что она высохла, тоже сел.

Некоторое время они молчали.

– А мама где? – спросил Багров, знавший, что все маленькие дети должны гулять в комплекте с родственниками.

Упрямая девочка обвела пальцем вокруг себя, из чего Матвей заключил, что мама девочки или размазалась по всем Сокольникам, или бегаёт по круговой дорожке.

– А у тебя дети есть? – спросила девочка у Матвея.

– Нету.

Девочка удивилась.

– Нисколько нету?

– Нисколько.

– Ни одной даже штучки?

– Ни одной.

Некоторое время девочка осмысливала этот факт, но, видимо, так и не осмыслила. С ее точки зрения, Матвей был взрослый. А как это – взрослый и без детей?

– Мама говорит: у солдатов детей нет! Ты солдат, да? – спросила она.

– Получается, что солдат, – согласился Багров, мысленно переводя ее из упрямых девочек в говорливые.

Девочка обрадовалась. Ей давно хотелось поговорить с на-

стоящим солдатом.

– Ух ты! А враги договариваются, когда напасть? – выпалила она.

– Ага. Они посылают парламентаря спросить: на вас когда напасть – до обеда или после обеда? – улыбнулся Матвей, почему-то назойливо вспоминая «Конduit и Швамбранию».

– И что наши солдаты отвечают?

– Наши отвечают, что лучше после.

– А враги тогда назло им нападают до обеда! – догадалась девочка.

– Но наши это знают и обедают еще раньше, – успокоил ее Багров.

Девчушка успокоилась, но ненадолго.

– А еще раньше враги не могут напасть? – озабоченно спросила она.

– Не могут. Тогда враги сами не успеют позавтракать, – заметил Матвей.

Ответ был исчерпывающий, и девочка успокоилась окончательно. Теперь ее интересовало иное.

– А повара воюют?

– Тоже воюют. Но повара бьются с поварами, а то будет нечестно, – сказал Багров.

Девочка задумалась.

– А как они узнают, кто повар? По колпаку?

– По колпаку и по поварешке... И вообще, кто чем вооружен, тот тем и воюет! Если у меня ружье, я кричу: «Идите ко

мне – у кого ружье! Воевать будем!» А если пушка, кричу: «Идите ко мне, у кого пушка!»

– А если солдат свое ружье дома забыл?

– Тогда кричит: «Идите ко мне те, у кого совсем ничего нету! Просто так подеремся!»

– А мне что кричать? Идите ко мне, у кого коса? – внезапно прозвучал вьедливый голосок над левым плечом Матвея.

Багров обернулся. За его спиной, буквально на расстоянии вытянутой руки, стояла Аида Плаховна Мамзелькина. Старушка была босиком. Кроссовки висели у нее через плечо, связанные между собой за шнурки. Красненькие глазки лукаво разглядывали Матвея.

– Девочка, иди к маме! – приказал Багров.

Полторы косички недоумевающе воззрились на него:

– Зачем?!

– К маме иди! – повторил Матвей и даже в ладоши хлопнул, надеясь так ее испугать.

Девочка обиженно заморгала. Она не понимала: только что дружили и вдруг гонят.

– Не пойду! Мама сказала: тут сидеть!

– Давай я попробую! – предложила Мамзелькина, шустро огибая скамейку и присаживаясь рядом на корточки. – Деточка, хочешь посмотреть, что у бабушки Адочки в рюкзачке?

Голос у нее звучал ласково и доброжелательно, но по непонятной Матвею причине полторы косички испугались

до дрожи. Девочка замотала головой, вскочила и с визгом умчалась.

– Никто не хочет! Не было случая, чтобы хоть один согласился, – сказала Плаховна, поправляя рюкзачок.

– А почему, интересно? Рюкзак, казалось бы, и рюкзак. Что их настораживает? – спросил Багров.

Мамзелькина склонила головку набок.

– А ты что, ничего не чувствуешь? – спросила она вкрадчиво.

Матвей попытался почувствовать.

– Ну, может, постирать его надо...

Старушка усмехнулась.

– Вот она, некромагия, когда вылезла. Что другим тухлятина, то вам свежая колбаса. Кстати, я потому к тебе и пришла. За тобой должок!

Багрову стало жутко.

– Не помню, чтобы я что-нибудь у вас занимал, – быстро сказал он.

Аида Плаховна села рядом, бросив рюкзачок между собой и Багровым и для верности примяв его локтем, чтобы не свалился.

– Не напрягайся! Ты не брал – другой брал. Мировуда помнишь?

Матвей вздрогнул.

– Вижу, что помнишь. Ты был его учеником, не так ли? Правда, он не так много успел передать тебе, но главное все

же передал – Камень Пути. Не будь в тебе Камня Пути, ты давно бы уже рухнул. Чем сильнее сгущается мрак – тем ярче он пульсирует. Камень Пути в тебе борется с извечной ненавистью всех некромагов.

– Мировуд не был некромагом! – сказал Багров.

– Я тебя умоляю! – поморщилась Мамзелькина. – Человек – то, чем он реально занимается, а не то, чем себя считает. Нельзя срезать кошельки на городской площади и при этом мнить себя великим композитором. А ведь целая куча народу именно этим и занимается!

– Мировуд был «белый волхв» и практиковал всеначалие! Ясно вам: всеначалие! – упрямо возразил Багров.

– Угу! То есть, проще говоря, служил тому, кто больше даст, – упростила Мамзелькина. – Вот только беда, свет-то ему, болявому, ничего не давал, потому что он с двойными агентами дел не имеет, а вот Лигул – тот за милую душу. Чуть какая уступка себе – он тут как тут! Так дядечка и про-обманывал себя всю жизнь. Даже в рюкзачке у меня обманывался, что эйдос его свету пойдет. Ерепенился!

Мамзелькина боевито встряхнула рюкзачок и растянула горловину.

– Что вам надо? – решительно спросил Багров.

– Должок! – повторила Плаховна. – С Мировуда взять нечего – с тебя возьму! Срок истек месяц назад, да я подо-ждала чуток.

– Расписка какая-нибудь есть? Вексель? – недоверчиво

спросил Багров.

Он понятия не имел, что Аида Плаховна у него попросит, но заранее не ожидал ничего хорошего. Едва ли Миловуд занимал у Мамзелькиной сто рублей до получки.

Плаховна прыснула в кулачок.

– Расписка? Я бумажек не храню! Ни к чему нам это. У меня получше заклад имеется! – сказала она.

Она сунула руку в рюкзак, порылась и достала пузатую стеклянную банку непривычной для современного, замыленного стандартами взгляда, формы. Банка была очень пыльной. С чувством поплевав на палец, Мамзелькина протерла окошко.

– Ну и грязь! – скривился Багров.

– И не говори, милоч! Да ты не бойсь! Внутри-то все закупорено! Чище, чем в аптеке!.. – успокоила его Аида.

– А мне-то какая разница?

– Ну пока что нету разницы, а там, глядишь, и появится, – заверила Мамзелькина и, вытянув сухонькую ручку, поднесла банку к его глазам.

Матвей увидел нечто красно-синее, неопределимое.

– Говядина какая-то! И зачем вы ее таскаете? – спросил он брезгливо.

– Ох, милоч! И не говори: все таскаю и таскаю! И так уж руки до колен отвисли! – с жалостью к себе сказала Аида Плаховна. – Да только вообще-то это не говядина!

– А что? – спросил Багров.

– Да тебе виднее, солнышко ты мое закатное. Свининка ли, говядинка – сам вспоминай!

– Почему? – озадачился Багров.

– Да потому, что это твое сердце. Мировуд отдал его мне за то, что я помогла вставить тебе в грудь Камень Пути, – ободряюще коснувшись ручкой его коленки, сказала Мамзелькина.

Глава 3

Король, из-под которого выбили трон

*– Послушай, – друзья говорят мне на ухо. – Все
будет отлично, не падай лишь духом!*

– Все будет отлично, – киваю им сухо.

И падаю, падаю, падаю духом...

Татьяна Шубина

Улита сидела на табуретке и, пыхтя, заштопывала носок Эссиорха, который вообще-то проще было выбросить. Время от времени, по неопытности, Улита всаживала иголку в палец, и тогда либо шторы вспыхивали лиловым пламенем, либо на кухне что-нибудь лопалось и взрывалось, либо с грохотом обрушивался мольберт.

Вернувшись, Эссиорх обнаружил, что картина упала как бутерброд – маслом вниз.

– Слушай! Почему бы тебе немного не отдохнуть? – горестно спросил он.

– А носок? – спросила Улита, вгоняя в носок иглу движением, которым гладиатор добивает поверженного врага.

– Ну вообще-то это не последние мои носки.

– Вам, мужикам, только бы все вышвыривать! Кастрюля пригорела – в помойку! Ботинки порвались – в помойку!

ку! Крутые какие!.. А вот и не дожدهшься: мы теперь экономим! – заявила Улита.

В качестве точки (или скорее восклицательного знака) она воткнула себе иголку в палец и взвизгнула так, что в комнате осыпалась форточка.

Эссиорх вздохнул и, сопоставляя стоимость старых носков со стоимостью стекла, штор и картины, отправился за веником. Последние две недели он только и делал, что устранял за Улитой разрушения.

– Не смотри мне в затылок! Меня это нервирует! – велела ведьма, когда он вернулся.

– Я не смотрю!

– Нет, смотришь! Тебе, между прочим, штопаю! Не себе! – огрызнулась Улита.

Когда она делала доброе дело, нужно было, чтобы со всего района собирались люди, садились вокруг и смотрели.

– Да-да, я понял! – успокаивающе признал Эссиорх.

Последнее время Улита его сильно тревожила. Она сделалась агрессивной, нервной, мнительной. Все у нее подгорало, ломалось, вылетало из рук. По магазинам она проносилась опустошающим ураганом, скупая детские коляски, соски, бутылочки и кулинарные книги.

Мышление у нее, и прежде немужское, стало теперь сугубо женское: бережливое, но с большими провалами. Экономя на поваренной соли, она вполне могла купить безумную вертящуюся погремушку, стоившую столько, что на эти

деньги можно было просолить средних размеров пресное озеро.

Все эти вещи заваливали комнату и захламляли балкон. Корнелий советовал Эссиорху показать Улиту психиатру, но советовал шепотом, потому что хотя и умел летать, но не из окна и не кувырком.

– Занимай меня! Не молчи! – капризно потребовала Улита, когда Эссиорх вернулся с веником. – Будешь молчать – влюблю тебя в себя, выйду за тебя замуж и рожу тебе двоих сыновей. Одного назову Сигизмундик, а другого Альфонсик.

– Я не молчу! – поспешно откликнулся Эссиорх, представляя себе двух баскетболистов Улитиных пропорций, которые, стискивая ему ладонь, представляются: «Сигизмунд Эссиорхович... Альфонс Эссиорхович!»

– Нет, молчишь! Ты не говоришь, ты только отвечаешь на мои вопросы!

– А это не одно и то же? – усомнился Эссиорх.

Ему смутно казалось, что с такой тараторкой, как Улита, это самый правильный метод. Болтун в основном говорит сам с собой, а собеседник ему сгодится и нарисованный на обоях.

– Ну знаешь, милый, это как в тупом анекдоте! «Вы что, с братом совсем не разговариваете?» – «Как не разговариваем? Позавчера разговаривали!»

– Хорошо, – согласился Эссиорх. – Буду с тобой разгова-

ривать всякий раз, как смогу вставить в твой монолог хотя бы слово! Но вообще-то от многоречивости наступает опустошение. Я когда час поболтаю, чувствую себя так, словно у меня выпили мозги, вставив в ухо трубочку!

Улита обернулась и, скрипнув табуретом, подозрительно воззрилась на него:

– Ты на кого-то конкретно намекаешь? Э?

– Нет.

– Так я и поверила! Какой-то ты сегодня слишком послушный! Уже сорок минут я не могу вывести тебя из себя, хотя стараюсь изо всех сил!

– Сорок? Последний рекорд был пятьдесят две... – отозвался Эссиорх.

– Что пятьдесят две?

– За пятьдесят две минуты мы ни разу не поссорились. Сегодня надо добить хотя бы до круглого часа, а завтра можно идти и на рекорд.

– Чихать я хотела на рекорды! Лучше скажи: красивая я или нет? – сказала Улита.

Эссиорх перестал сметать стекла.

– Честно? Мне не нравится это слово. Оно не емкое.

– Чего-о???

– Когда-то я млел от слова «красивый» и часто его употреблял. Теперь же мне ясно, что всякий человек может пять раз в день быть красивым и пять раз в день хуже крокодила. Это на фотографиях особенно заметно: есть порыв души –

лицо прекрасно. Нет его – мертво. И губы сразу тряпочкой, и щечки узелками, и нос картошкой.

Улита выслушала Эссиорха без сочувствия.

– Слушай, ты не темни! Ты ясно скажи! Я, именно Я, красивая или хуже крокодила???

Конкретно для тебя???

Мебель в комнате начала вести себя беспокойно. Заплясали в серванте чашки. Закачалась люстра. Муха, так и не успевшая на нее присесть, умерла от разрыва сердца и упала на пол, задрав лапки. Эссиорх поймал мотоциклетный шлем, собравшийся скатиться с подоконника.

– Конкретно для меня ты красивая! – сказал он.

Улита недоверчиво ковырнула иголкой носок.

– Сколько раз в день? Пять? Десять? Давай уж все переводить в числа, если ты такой математический!

– Девять-тире-одиннадцать, – осторожно признал Эссиорх, прикидывая, что так до часа можно не дотянуть.

– Во-во! Именно это от вас и требовалось, товарищ Сократ! А всякое прочее это уже для ваших, философских! – сказала Улита удовлетворенно.

– Ну наконец ты улыбнулась! – обрадовался Эссиорх.

– Я не улыбнулась! Я оскалилась!

– А похоже было на улыбку!

– Ты обманулся! Ты меня опять не за ту принял!.. Я не могу быть хорошей! Я могу лишь притворяться хорошей!

Эссиорха это не смутило.

– Значит, притворяйся. Только учти, что и притворять-

ся продолжительное время будет непросто. Мрак станет тебя сильно колбасить. Иной раз притворишься, что не обиделась, а иной раз и притвориться не успеешь: так и вцепишься кому-нибудь в волосы.

Улита хмыкнула. Это было прямо в точку и про нее.

– И какой выход?

– Терпеть, терпеть и еще раз терпеть! Сбили с ног – вскочил! Сорвался – взял себя в руки, вытер нос и снова терпи! И ждать, пока привычка станет второй натурой.

– Не занудствуй! Ненавижу! – поморщилась ведьма.

– Меня или когда я занудствую?

– Тебя! У тебя на глазках прям очки какие-то розовые!

Уж я-то знаю, поверь мне! Мир во зле лежит!

– Свинья тоже в грязи лежит, но ноздрями-то все-таки воздухом дышит, – спокойно отвечал Эссиорх.

В комнату ввалился Корнелий и со стоном рухнул на диван. На это никто не обратил внимания. Связной встал, застонал вдвое печальнее и рухнул на кресло. На него снова не обратили внимания. Тогда Корнелий перестал обрушиваться на мебель, переполз к Улите и уронил голову ей на колени.

– У меня совершенно нету сил! – пожаловался он.

– Чтобы так назойливо страдать – сил должно быть как у кабана. Чего стряслось?

– Варвара меня отшила! Я спросил: «Как выглядит мужчина твоей мечты?», а она: «Посмотри на себя. Посмотрел? А теперь представь нечто абсолютно противоположное!»

– И все? – засмеялась Улита. – Ну это пока что не смертельно. Хочешь узнать, кто больше всего нравится девушке, посчитай, кого она больше всех за год назовет тупой гориллой или бесчувственной чурбашкой. А дальше?

– А дальше ничего, – тоскливо признал Корнелий. – Даже рта открыть не успел. Появился Арей, и я подумал, что не стоит посвящать его во все тонкости наших взаимоотношений.

– В переводе на русский ты сделал ноги! А как же на шесть и по хлопку? Упустил отличный случай стать героем на глазах у любимой девушки! – коварно заметила Улита.

– Арею повезло, что я маленьких не обижаю! И вообще мне надо было отнести срочную депешу, – принялся оправдываться Корнелий.

Эссиорх с удовольствием погладил ладонью новую, в гибких пупырышках резины, шину, купленную на прошлой неделе. Шина так нравилась ему самому, что он держал ее подальше от мотоцикла. Проедешься один раз – и все, новизны как не бывало.

– Слушай, а если тебе правда поискать кого-нибудь попроще? Варвара – девушка серьезная. Ты для нее слишком порхающий, – предложил он.

Корнелий с обидой шмыгнул носом.

– Она-то серьезная? С тесаком и в военных ботинках?

– Тесак и военные ботинки – вполне надежный признак серьезности. Во всяком случае, для меня, – заверил его хра-

нитель.

– Напекаешь, что я дурак? – надулся связной.

– Ну с этим фактом твоей биографии еще можно смириться, – утешил его Эссиорх. – Ум – это так, комнатка над сердцем, где хранятся всякие лопаты. С одной стороны, нужная комнатка, а с другой – жить там все равно не будешь.

Корнелий поправил очки.

– Не усложняй, старичок! Ты мне без морали объясни, чем я ей не пара?

Улита отпихнула Корнелия и встала, уронив с колен злополучный носок. Широкая, грузная, она заполняла собой комнату настолько, что хотелось прижиматься к стенам.

– Щаз-з я тебе просто объясню! Без образов! – нетерпеливо вызвалась она, толкая связного в грудь.

– Только не руками! – сказал Корнелий, торопливо извлекая флейту. – И вообще спрячь их за спину! Они у тебя распускаются сами собой! Вот так! А теперь можешь говорить, чего мне не хватает.

– Ответственности! Ты до сих пор считаешь, что причина твоих неудач – в неправильном подборе фразочек. Ты их выписываешь как осел, по карточкам сортируешь. А при чем тут фразочки? Если ты сам себе не веришь, то кто тебе поверит? Девушка пытается подарить тебе ни много ни мало, а свою жизнь. Ты же хихикаешь как дурачок, а в глазках у тебя парение! Девушки, может, и ценят остроумных, но серьезным они больше доверяют.

В эту секунду в дверь постучали и сразу после стука позвонили. И то, и другое крайне назойливо.

– Кто это еще балует? – Эссиорх дернулся к двери, но тут постучали в стекло. Стал поворачивать голову к стеклу, но и здесь не успел, потому что стук перенесся в шкаф.

Корнелий, не размышляя, выпустил в шкаф маголодию. Маголодия ввинтилась в дверцу одновременно с горестным воплем Улиты, сообразившей, что маголодия была прожигающей, а в шкафу, между прочим, вещи.

Назойливый стук прекратился. Пробитая дверца недовольно скрипнула, открылась, и вместе с черным дымом из шкафа выплыл пожилой, изрядно закопченный джинн. Подобно большинству джиннов, ног он не имел и начинался сразу от пояса. По комнате же перемещался галсами. У джинна были бугристый нос и борода, как у французского императора Наполеона III. Хитрые глазки плавали где-то в районе уха, но и оттуда зорко отслеживали все, что происходило в комнате.

Эссиорх предупреждающе положил руку на плечо Корнелию, приготовившемуся пальнуть в джинна новой маголодией. На этот раз, разумеется, более специализированной и джиннобойной.

– О почтеннейшие! Не имею чести знать вас лично, но замечаю по вашим лицам, что вы мудры и справедливы! Позволительно ли мне будет испытать терпение ваше, вопросив: не здесь ли находится черноокая ведьма Улита? Свет очей

моих, радость сердца моего, услада древности моей! Где она? Прошу: укажите мне ее! – непрерывно кланяясь и поднося руку к груди, произнес джинн.

– Привет, Рахман! И давно ты перестал меня узнавать? А если и перестал, то уж одну чернооую тетеньку от двух лупоглазых дяденек можно отличить? – насмешливо спросила Улита, стоявшая от него в двух шагах.

– О, дражайшая! Как мог я не узнать тебя, когда только о тебе стучит сердце мое? Я просто пожелал убедиться, что и ты захочешь узнать недостойного Рахмана! – стал оправдываться джинн.

– Узнала-узнала! – мрачно заверила его Улита. – Что ты там приволок? Письмо? Давай его сюда! Все, теперь можешь топать!

Однако джинн сгинул не сразу. Прежде он достал пухлую растрепанную тетрадь и, открыв, протянул ее Улите:

– Молю тебя, добрейшая! Порадуй меня начертанием имени твоего в сей скрижали строгой отчетности!

Ведьма со вздохом расписалась, и джинн, еще раз поклонившись, сгинул.

– Плохо ты с ним обошлась! Невежливо, – заметил Эссиорх.

– Невежливо? Да я его как облупленного!.. Документы на мотоцикл не пропали? Проверь карманы! – распорядилась Улита.

Эссиорх метнулся к шкафу.

– Ты что, свет очей, не веришь усладе древности твоей? – насмешливо начал Корнелий, но тотчас пугливо замолчал, потому что Эссиорх извлек из шкафа красный жакет Улиты, насквозь прожженный его маголодией.

Ведьма зарычала.

Проверив карманы, Эссиорх обнаружил, что визит дражайшего джинна стоил ему кнопчного ножа (очень неплохого) и двух горстей мелочи. Корнелий же лишился запасного мундштука от флейты, который по неопытности тоже хранил в шкафу.

– А такой приятный! Слова такие правильные говорил! – сказал Эссиорх с сожалением.

– У нас там все приятные! У нас неприятных нету! – заметила Улита. – А с этим Рахманом вечно так. Совсем болящий! Как-то стал Нате ножки целовать, так шнурки зубами вытащил! И ловко так, в одну секунду! И зачем ему шнурки, а?

– Ясно: джинн, – сказал Корнелий.

– Ясно-то ясно! А вот в официальных документах мрака нельзя «джинн» писать. С прошлого года. Приказ Лигула. Кто нарушит, голову снимут, по ушам надают и обратно наденут, – сказала Улита.

– Как же вы выкручиваетесь?

Ведьма хихикнула:

– Мы пишем: «лицо, субъективно напоминающее старика Хоттабыча». Конечно, длинно, но все равно короче, чем

писать объяснительные, чем ты руководствовался, когда называл джинна джинном. Вот только никак не врублюсь: зачем это Лигулу?

Корнелий авторитетно надул щеки.

– Ну как же! Помнишь, я к передаче готовился? – спросил он у Эссиорха.

– Ты вечно все передаешь.

– Короче, приказ Лигула, что у мрака не должно быть «стражей», «комиссионеров», «суккубов», «джиннов», а только сотрудник такой-то. То есть стражи-то отлично знают, что они стражи, но для них важно, чтобы все остальные были в куче.

Внезапно Улита вскрикнула. Корнелий повернулся и увидел, что Улита стоит с надорванным конвертом и читает. Большое лицо ее зрело, набухало. Связной резво подскочил сзади и заглянул ведьме через плечо.

Он обнаружил, что текст напечатан жирным шрифтом на типографском бланке и только некоторые подчеркнутые слова вписаны от руки.

ПОВЕСТКА

Согласно П.4.1.7. Трудового кодекса мрака, состоящей на договоре *ведьме* Улите **предписывается не позднее полуночи прибыть в резиденцию мрака по адресу: Большая Дмитровка, д.13, и вернуться к выполнению своих обязанностей в качестве секретаря.**

В случае неявки мрак оставляет за собой право

на расторжение договора, которое, согласно пункту 1.6.7., наступает в момент биологической смерти лица, указанного в графе № 1.

С уважением,
руководитель подразделения мрака
З. Пуфс (подпись)
советник руководителя подразделения
Арей (подпись)

Следующие полчаса ушли на то, чтобы привести Улиту в чувство.

Ведьма заверяла, что она абсолютно спокойна, но при этом вела себя неадекватно. На вопросы отвечала бессвязно, взгляда не фокусировала, налетала на стулья. Плакала, ругалась, размахивала руками. Вцеплялась в Эссиорха, заявляла, что их никогда не разлучат, и тотчас кричала, чтобы Эссиорх немедленно убирался на все четыре стороны и что это он во всем виноват. Ей нельзя было дать даже воды, потому что вода то превращалась в лед, то вскипала.

Наконец Улита успокоилась настолько, что смогла сидеть, а не бегать по комнате. Она то всхлипывала, то икала. Тут она вновь вспомнила о повестке и потребовала ее у Эссиорха.

– А рвать ты ее не будешь? – обеспокоенно спросил хранитель.

Он знал, что мрак имеет привычку накладывать на свои документы суточные смертельные сглазы и тем страховать

их от уничтожения.

– Ты что, не видишь, что я успокоилась? – спросила Улита голосом, от которого в кухне холодильник покрылся снаружи тридцатисантиметровым слоем льда.

Взяв повестку, ведьма уставилась на нее опухшими глазами.

– Думала: подделка. Нет, настоящая, – убито сказала она.

– Что «настоящая»?

– Подпись Арея.

– Может, все-таки подделка? – огорчаясь вместе с ней, спросил Эссиорх.

– Нет, – сказала ведьма. – Я слишком долго с ним работала. Я знаю все его подписи – точнее, как они изменяются в зависимости от настроения. Есть обычная деловая подпись. Когда вот тут нервная закорючка – это значит, что он раздражен. Если первая буква вытянута – он отмахивается. Отстаньте, мол, все от меня. Надоели.

– А эта?

– Это подпись **Арея, который себя ненавидит**, – сказала Улита. – А когда он ненавидит себя, то ненавидит всех. У него иначе не бывает.

– Не позднее полуночи! Ишь чего захотели! Пусть тебя заставят! – брякнул Корнелий.

Улита посмотрела сквозь него и всхлипнула:

– Не хочу показаться грубой, но ты упрямое животное с длинными ушами! Как я могу не пойти, когда подписала до-

говор?

– Так нарушь! – посоветовал связной.

Эссиорх подошел к Корнелию сбоку и, приподняв ему пальцем волосы, посмотрел.

– Чего ты делаешь?

– Смотрю на твои уши. Ошибается Улита или нет.

– И как? Длинные?

– Лучше не спрашивай, а то случайно узнаешь правду. Если бы договор так легко нарушался, мрак не устраивал бы такой возни с бумажками. Они действительно имеют власть уничтожить тело Улиты, если договор будет нарушен.

– Во-во! Взял слово – забрал обратно. Перетащил совесть к свету, затем от света – снова к мраку. Так и бегай с чемоданчиком, где больше заплотют, – сказала ведьма озлобленно.

– А если мрак кого-то обманул? – возмутился Корнелий.

– Обманул – дело другое. Но меня-то не обманывали! Я в своем уме была, когда всю эту муть подписывала!!! Знала, от чего отрекаюсь! И эйдос мой хоть теперь и у света хранится, да мне вот его не дают даже!!! Оберегают! Вроде как пьянчужке говорят: «Не обижайся, Петровна, но денег мы тебе не дадим, и в магазин за зеленым горошком не ходи! А то сама знаешь, чем все эти горошки заканчиваются!» – сказала ведьма звенящим голосом.

– Ты опять кричишь! – тихо напомнил Эссиорх.

– Не смей разговаривать со мной как с больной!!! – про-

шипела Улита.

Она была не просто раздражена. Когда чайник ставят на огонь, он кипит. Когда же в плавильную печь – исчезает бесследно.

– Все-все-все! – сказал Корнелий, поспешно вставая между ними. – Хватит про твой эйдос! Лучше давай про Арея. Может, ты нужна ему, а он уговорил Пуфса? Зачем ты Пуфсу-то? У него своих чиновников завались.

– Нет, – сказала Улита уверенно. – Это Пуфс сделал. А Арея заставил расписаться, чтобы я видела, что Арей меня предал! И он предал!!! Удовольствия он, конечно, от этого не получил, ну да плевать!!!

– Откуда ты знаешь? – спросил Эссиорх.

– Знаю! Я сто раз об Арее размышляла в последнее время!

Он в тупике.

– Почему?

– Потому. Допустим, я воин-наемник. Немного трусоватый, немного глуповатый, немного староватый, но все же сойдет. Если мое войско разбито – есть неплохой шанс поступить на службу в другую армию. Простые солдаты везде нужны. А вот если я оставшийся без царства король? Кому нужен трусоватый, глуповатый, староватый и вдобавок абсолютно неудачливый король?.. Ему только и остается, что жить где-нибудь в приживалах и смеяться чужим шуткам. Вот пусть и смеется шуткам этого уroda Пуфса! – передразнила ведьма.

– А почему Арей не может уйти, как Меф? – наивно спросил Корнелий. – Ему же плохо у мрака!

Эссиорх многозначительно коснулся виска пальцем, а Улита фыркнула.

– Ты можешь себе представить Арея без меча и эйдосов? Без всемогущества? Для этого ему пришлось бы вывернуться наизнанку, а он на это не способен. Попроси у него отсыпать из дарха даже не все эйдосы, а хотя бы две штуки, самых тусклых – просто на спор попроси, и будешь крайне удивлен. Он триста метров проползет на животе, чтобы перегрызть тебе горло! Без шуток проползет, – уверенно заявила ведьма, – хотя надеюсь, его дарх заставляет.

Эссиорх покачал головой.

– Не все так просто. Дарх дархом, но ведь дарх – жалкое паразитирующее существо. Он грызет, но только того, кого есть за что укусить. Я долго пытался объяснить для себя природу зла и понимал, что я ее не вмещаю. Зло казалось мне бунтарским, сложным, ищущим, нравственно изломанным. Даже где-то привлекательнее света.

Корнелий нервно хихикнул. Услышать такое от Эссиорха!

– А потом я однажды подумал, что палачи в концлагерях, убивавшие газом десятки тысяч людей, тоже не были, в сущности, абсолютно негодяйскими существами. Они тоже болели ангиной, ругались с женами, им жали ботинки, их не слушались собственные дети. Где же тогда зло? В ком? И вообще, могу ли я честно сказать, что во мне самом нет зла?

Зло – если на то пошло, это мы сами в те минуты, когда не являемся добром. А сложно представить, что мы свет, например, когда ковыряем в носу или передаем сплетни. Мы свет, только когда смотрим на солнце и оно в нас отражается. И тут мне стало ясно, что нечего сложничать и играть в романтику. Просто один раз реши, с кем ты, – вставай в строй и сражайся! – сказал Эссиорх.

Улита, забывшись, скомкала повестку, но рвать не стала, а осторожно положила на стол и разгладила руками. Глаза у нее блестели сухо и зло.

Корнелий быстрым взглядом окинул комнату, прикидывая, что еще может упасть или лопнуть, и отодвинулся в дальний угол, который показался ему самым безопасным.

Эссиорх присел рядом с Улитой на корточки и заглянул ей в лицо. Когда Улита просто переживала или злилась, она, в зависимости от степени, краснела, бурела или багровела. Когда же чувства достигали полного накала, то лицо краснело выборочно и среди алых участков попадались белые островки. Обычно на щеках и на лбу. Окруженные со всех сторон красной кожей, они походили на льдины в неизвестном географии Алом море.

Вот и теперь на щеках Улиты было по одной большой льдине. Еще одна курсировала по лбу, и две маленьких грозили столкнуться на подбородке.

– Слушай! – сказал Эссиорх, взяв ее за руку. – Давай начистоту: ты потому так злишься, что любишь его и пережи-

ваешь! Для тебя Арей вроде отца, да?

Ладонь Улиты, которую он держал, сжалась. Белые льдины стали рыхлеть и тонуть.

– Повестку подписал! Зачем? Может, у него план есть, а? – всхлипнула она с надеждой.

В наличие у Арея какого-либо плана Эссиорх не верил.

– Хорошо, возвращайся. И оставайся там хотя бы до тех пор, пока не изживешь иллюзию, что Арея можно изменить или спасти. Если ты предашь его сейчас, то вместе с ним предашь и сама себя. Только помни: мраку мы тебя не отдаем! Я узнаю, что можно сделать с этим договором.

– А вы? – спросила ведьма.

– Насчет прочих не в курсе. А я вот лягу на твой диванчик! – с готовностью заявил Корнелий.

Когда Улита ушла собираться, Эссиорх занялся кистями. Он стоял и, низко наклонив голову, ковырял широким ногтем засохшее масло.

Корнелий оглянулся на дверь, осторожно прикрыл и, вернувшись к Эссиорху, трижды молча ткнул его пальцем в грудь. Очень больно ткнул.

– Это что, азбука Морзе такая? Я не понимаю! – сказал хранитель.

Корнелий взорвался.

– Извини, старичок, но у меня понималка заклинивает! Как ты можешь ее отпустить? Надо драться за нее! Разнести резиденцию мрака! – негодуяще зашипел он.

Эссиорх продолжал ковырять масло. Казалось, его теперь волнует только то, что кисть может не отмыться.

– Алло, прием! Нальчик вызывает Таймыр! Ты меня слышишь ваще? Мы не должны ее отпускать! Мы столько времени ее вытаскиваем, а она все еще ведьма! Орет по ночам, буйствует, о стены бьется! Изгрызла у наволочки все углы! А как чуток подживать стало, тут нате вам – снова к мраку!

Эссиорх поднял на него глаза. Корнелий увидел на его левой скуле такую же каплю, как на кисти, только прозрачную. Сами глаза при этом казались сухими.

– Они *действительно* способны уничтожить ее тело, если она не придет.

– Подумаешь! Эйдос-то у нас! Можно уговорить Троила, и он даст ей другое. Ты же тоже не родился в теле мотоциклиста, – легкомысленно заявил Корнелий.

– Нет. Они уничтожат уже не одно тело... – тихо сказал Эссиорх. – Да и крючок мрака сидит глубже, чем просто в теле. Не отпусти мы ее, ночью она выпрыгнула бы из окна. *Это* пока что сильнее ее. Ты же видел: Арей позвал, и вот она бежит как собачка. Нельзя столько времени быть ведьмой, а потом чудесным образом передумать и в три секунды стать пушистой. Зло – это рак души, мерзость хуже всех наркоманий. Внезапное исцеление от зла невозможно. Если бы так: чего проще? Дал таблетку от зла, и ты новенький!

– И ты ее отпускаешь???

Теперь уже Эссиорх ткнул Корнелия пальцем. И даже

очень больно. Глаза его по-прежнему выглядели сухими, но светлых крапин на скулах стало уже шесть. Похоже было, что они выходят изнутри, как сквозь промокашку.

– А как я могу не отпустить? Представь, что по палубе корабля бегает сорвавшаяся с привязи, запаниковавшая лошадь и рвется в ледяное февральское море. Веревки нет, уздечки нет. Боюсь, все, что остается, – прыгнуть за ней следом, дать лошади в ледяной воде проплыть сотню метров, успокоить ее, а потом мало-помалу заворачивать к кораблю. Главное – быть все время рядом.

Глава 4

Аэродром для бабочки

Один ученый прочел все существующие книги, все философские трактаты, все писания. Закрыв последнюю книгу, он провел рукой по ее переплету и осторожно положил книгу на стол. Затем вышел во двор, задрал голову к звездам и крикнул:

«Я приобрел всю возможную человеческую мудрость! Что мне еще сделать, чтобы познать тайны мироздания?»

«Ты на жену-то не ори!» – ответил ему в сердце безмерно тихий голос.

Книга света

Всю дорогу до «Новокузнецкой» Меф был убежден, что разорвет Прасковью и Ромасюсика в клочья. Он рисовал себе это в подробностях, таких натуралистических, что кулаки тяжелели, а глаза наливались кровью. Однако когда поезд со щелчком открыл двери, он обнаружил, что злость улетучилась. Вышла паром, как сбегает вода из носика кипящего чайника, пока он окончательно не опустеет.

Толкаемый всеми, кому не лень, Меф стоял на платформе, озирался и ждал, когда схлынет толпа. Наконец она схлынула, устремившись к выходу в город и переходу на «Третьяковскую», а Прасковьи он все еще не видел.

– Который час? – спросил Меф у кряхтящего мужичка околхудожественного вида, который, перекинув через плечо скатанный в рулон старый ковер, куда-то его тащил. Со стороны это выглядело так, будто магу-самоучке стало холодно лететь на ковре-самолете и он решил, что лучше будет добраться на метро.

– Шестнадцать минут семнадцатого, – удивленно ответил мужичок с ковром.

Обернувшись, Меф увидел, что стоит под часами, которыми, как известно даже детям, завершается всякая платформа московского метро.

«Пора меня в психушку! В метро спрашивать время!» – сообразил Меф.

Не исключая, что Ромасюсик мог его и одурачить, Буслаев медленно пошел по станции. Прасковью он заметил, только когда прошел мимо и на всякий случай обернулся.

Она сидела на корточках у стены шагах в двух от перехода, прикрываемая его выступающими закругленными перилами, и, низко опустив голову, разглядывала облепленные глиной камни, лежащие у нее на ладони. Одна. Ромасюсика поблизости не наблюдалось. Должно быть, благоразумно где-то отсиживался.

Прасковья была в простеньком платье с короткими рукавами. Бросалось в глаза, что руки у Прасковьи очень худые и вообще вся она тощая, с острыми плечами. Даже из Дафны можно было сделать полторы Праши.

Меф остановился. Признаться, он ожидал чего-то иного. Хохота, раскалывающего мрамор. Охраны. Ничего подобного. Прасковья больше походила на больного голубя, чем на повелительницу мрака. Волосы забраны в усталый пучок, который удерживает пластмассовая заколка. На ногах – рыночные шлепки.

Какой-то злой остряк уже бросил на плиты рядом с Прашей пятак.

Мефодий подошел. Прасковья подняла голову. Скользнув по ноге, взгляд ее остановился на лице Мефа. Она продолжала сидеть на корточках.

Меф тоже вынужден был присесть. Стоящему парню кричать на сидящую на корточках девушку глупо и неудобно. Кричать же самому в этой позе, как оказалось на практике, вообще нереально.

– Ну? Ты соображаешь, что ты сделала? У них остался мой паспорт! – сказал он, безуспешно раздувая гнев.

Прасковья с усилием открыла рот. Ее голос напоминал крик больной птицы. Меф был потрясен. До этого момента он считал, что Праша вообще немая. Оказалось, нет.

– ...сссс... ннни... ллл? – различил Меф.

Прасковья напряженно смотрела ему в глаза.

– Я не понимаю, – сказал он.

Рядом прогрохотал поезд, заглушив все остальное.

– ввв... ммм... и... л?

– Не понимаю.

Прасковья с досадой махнула рукой. Свет на станции моргнул и погас. На несколько секунд «Новокузнецкая» погрузилась в сосущую, без единой искры тьму. Эскалаторы разом встали. Послышался резкий свисток дежурной и ее крик «Не паниковать!», ставший сигналом к общей панике.

Затем свет вспыхнул вновь.

Ромасюсик вынырнул неожиданно, хотя, казалось бы, такая туша неожиданно появиться не способна по определению. Застенчиво щурясь, он стоял рядом с Прасковьей и отгонял от себя невесть откуда взявшихся в метро ос.

– Я так испугался! – сообщил он Праше, настороженным глазом косясь на Мефа. – Вообрази: спускаюсь на эскалаторе, и тут тьма, мрак! Эскалатор дергает, и парень сзади вцепляется мне в волосы! Мы кубарем летим вниз, а потом – свет раз! – я вижу, что парень сидит и в полном шоке жует мои волосы! Чтоб у него аллергия началась на сахарную вату!

Меф шагнул к Ромасюсику. Он намеревался в простой и доступной для амеб форме объяснить, почему свиньей быть невыгодно.

Не растерявшись, Ромасюсик отскочил и, подпрыгнув, заверещал:

– Что ты дуишь, фюлюган? Граждане, миленькие! Зовите полицию! Я поймал беглого преступника, а он меня убивает! Ай! Психи атакуют! Караул!

«Беглый преступник» заносил уже ногу для пинка, когда на глазах у Буслаева одна из пристававших ос скользнула

Ромасюсику в носдю и бесследно исчезла. Меф оцепенел. Несколько секунд он ожидал какой-то реакции, но ничего не происходило. Ромасюсик продолжал верещать, призывая граждан к сознательности. Еще секунд через пять другая оса деловито влетела шоколадному юноше в ухо и тоже невозвратно скрылась.

Меф внезапно осознал, что голова у Ромасюсика внутри поляя!

Первой терпение потеряла Прасковья. Визжащий Ромасюсик неожиданно перестал визжать, и глаза у него стали как оловянные пуговицы.

– *Вспомнил? Теперь ты знаешь, кто ты на самом деле?* – спросил он совсем другим голосом.

Слова вырывались у Ромасюсика плевками, точно вода из заткнутого пальцем крана.

– Да, – помедлив, ответил Меф.

– *Видишь: я была права! Они стерли тебе память, набили ее мусором! Они лгали тебе, и твоя Дафна первая! Они затолкали тебя, наследника Кводнона, в жалкую забегаловку разносить подносы! Надеюсь, ты ненавидишь их теперь так же сильно, как и я!*

Меф не настолько перегрелся, чтобы вместе с Прасковьей критиковать свет и ругать Дафну.

– Что это? – спросил он, кивая на камни, которые Праша продолжала держать на ладони, забыв о них.

– *Где? А-а, это!.. Алмазы!* – ответила та недовольно.

– Серьезно? Откуда?

– *С прииска. Подарил сегодня клиент один. Подмазывался.*

– Какой клиент?

– *Уже никакой. Контракт истек в три.*

Меф кивнул. Вместе с памятью вернулось и знание об аренде.

– Разве алмазы не блестят?

– *Блестят бриллианты. Эти еще от породы надо отделить. Хочешь, подарю? Тут твоя зарплата примерно за пять тысяч лет,* – предложила Прасковья.

Меф отказался.

– *Ну не хочешь, и не надо. Мне тут мелочи накидали – вот и я им накидаю! Эй, ловите!* – крикнула Прасковья и, с вызовом глядя на Мефа, швырнула алмазы под ноги людскому потоку.

Буслаев метнулся было их собирать, но под насмешливым взглядом Прасковьи остановился. «Ну и пускай! Наплевать!» – подумал он. Люди наступали на камни и, не понимая, что это, шли дальше.

Неизвестно откуда взявшись, к ним задиристым воробьем подскочил маленький и безмерно юный милиционер. Кожа у него была белая, нежная, с голубоватыми прожилками, а брови смешные, смыкающиеся. На поясе дубинка, пистолет, наручники – все как полагается.

– Лейтенант Верликанов! Девушка, что за дела? Я видел,

как вы бросили! В метрополитене не мусорить! Немедленно подберите!

Отвлекшись на время на милиционера, Прасковья оторвала взгляд от Ромасюсика. Шоколадка немедленно ожила и всплеснула ручками:

– Ой, полиция пришла! Наконец-то! А я вам преступника поймал! Вот этот, волосатый! У-у, рожа уголовная!!! Хватайте его!

Меф напрягся. Юный милиционер подозрительно посмотрел на Буслаева, затем на Ромасюсика, и снова на Мефа. Буслаев ощутил, как у него вспотела спина.

Лейтенант Верликанов стал еще юнее и еще строже. Меф увидел, как он перехватил дубинку ближе к краю.

«Ну все! Сейчас!» – подумал он уныло.

– Ваши документы! – потребовал милиционер.

«Началось», – подумал Меф.

– Вот-вот! Давно пора! Где твои документы? Нету! – радостно закудахтал Ромасюсик. – Вообразите: упер из гипермаркета майки и избил двух охранников! Прямо кулаками по фэйсу лица! Я прям чуть от негодования не умер, но решил восстановить справедливость! Проверьте: маечки у него до сих пор в рюкзаке! – наябедничал Ромасюсик, пытаясь взять лейтенанта под локоть.

«А ведь правда!» – осознал Меф, ощущая себя самым тупым преступником на свете. Действительно, почему он от женских маек-то не избавился? Жаба, что ли, задавила?

Милиционер вырвал у Ромасюсика руку.

– Вы что, оглохли! В-а-ш-и д-о-к-у-м-е-н-т-ы! – отдельно повторил он и ткнул пальцем в мягкую грудь Ромасюсика.

– Мои? – не поверил Ромасюсик. – Не его???

– ВАШИ!!!

– Не я преступник! У меня даже справка есть из психдиспансера, что я честный налогоплательщик!

У лейтенанта Верликанова запрыгали брови. Теперь он был уверен, что никаких документов у Ромасюсика нет.

– Паспорт!!!

– Щас! Минуточку! Только учтите: вашему начальству это не понравится! – сердито предупредил Ромасюсик, жестом фокусника извлекая красную книжечку, в которой он значился генерал-майором.

Все печати в книжечке были на месте и даже фотография правильная, щекастая, но сам генерал-майор юному милиционеру крайне не понравился. Лейтенант схватил генерал-майора за локоть и стал его куда-то волочь, повторяя: «Пройдемте!»

Генерал-майор артачился, жалобно смотрел на Прашу, призывая ее вмешаться, но та не вмешалась, и Ромасюсика утащили.

* * *

Прасковья подошла к Мефу и, взяв его за рукав, потяну-

ла по ступенькам перехода – в сторону, противоположную той, куда увели Ромасюсика. Покинув новокузнецкое царство, они прошли на «Третьяковскую» и поднялись в город. Слева под общим козырьком ютилось много мелких магазинов. Направо тянулась узкая пешеходная улица, по которой тек непрерывный людской поток.

У невысокого серого дома Прасковья нырнула в арку.

– Куда мы? – спросил Меф.

Ответа он не получил. Прасковья нетерпеливо обернулась, показывая, что надо спешить.

У первого же подъезда она остановилась, на секунду задержала взгляд на кодовом замке и деловито набрала несколько цифр. Домофон запищал голодным птенцом. Прасковья отпустила рукав Мефа и, дернув подбородком, шагнула внутрь. Узкая спина ее скользнула по лестнице и сразу скрылась. На Мефа Прасковья не оглядывалась, словно и без того была уверена, что он последует за ней.

Лестница была узкой и шла не прямо, а вбок и немного по диагонали. В старых домах, как давно понял Меф, к параллелям и перпендикулярам относились прохладно и кумира из них не творили. В подъезде по-домашнему пахло подгоревшим супом. Внизу толпились коляски и санки, необъяснимые в начале сентября.

На площадке верхнего этажа Прасковья огляделась, нахмурилась, после чего, бряцая твердой резиной рыночных своих шлепок, вскарабкалась по железной лестнице на чер-

дак. Мешавший ей металлический замок она отломала легко, как печенье, перед этим подув на его дужку.

Меф с любопытством огляделся. К чердакам он с детства испытывал интерес. Балки были белыми от голубиноного помета. В центре крыша шла высоко, в рост, к краям же, ближе к обмотанным и утепленным трубам, опускалась. Не задерживаясь и здесь, Прасковья нашла окно и, толкнув его, выбралась на крышу. Мало что понимая, Буслаев последовал за ней.

Недавно покрашенные в синий цвет листы железа круто сбегали на улицу. Перила отсутствовали, лишь торчали жестяные украшения водосточных труб, похожие на шахматные лады. Стоять на крыше было скользко. Держаться не за что. До среза крыши метра два. До ближайшей трубы метров восемь. Улица не видна, но снизу слышен ровный гул и гудки машин.

Меф присел на корточки и ковырнул ногтем высохшую каплю краски. Внутри она оказалась пустотелой. Маслянистый, мягкий, как пластилин, бок скрывал единственный, почти бесшумный звук «пупф!». Он понюхал ноготь. Пахло детством и теми временами, когда его жадно притягивали крыши и стройки. Особенно, конечно, последние. Правда, на стройках попадались сердитые сторожа, но догнать двух-трех подростков в двадцатиэтажке с кучей квартир и лестниц – это, конечно, утопия.

– Все? Пришли? – спросил он.

С его точки зрения, дальше идти было некуда. Только прыгать ласточкой. Не сказать, что безумно высоко, но все-таки три с половиной этажа, а внизу машины, асфальт и бетон.

Прасковья мельком посмотрела куда-то через улицу. Меф хотел последовать ее примеру, но внезапно правая нога Прасковьи заскользила. Буслаев схватил ее за руку. Прасковья вырвалась, засмеялась и, скинув шлепки, небрежно швырнула их вниз. Секунду или две спустя послышался звук, который бывает, когда что-то твердое падает на крышу машины. Теперь девушка была босиком. Ступни у нее были как руки – узкие, худые и, как показалось Мефу, беззащитные.

Задорно оглянувшись на Мефа, она перебежала к трубе. Буслаев потащился за ней, осторожно ставя ноги. Своим скользким туфлям он не доверял, а сбрасывать их, как Прасковья, и оставаться босиком желания у него не было.

Когда наконец ему удалось ухватиться за трубу, он испытал облегчение.

– Ну все! Хватит! Чего тебе надо? – сердито спросил он.

Прасковья сунула руку в карман и задиристо махнула чем-то у Мефа перед носом.

«...лаев Мефодий Иг...» – успел прочитать он рядом с крайне знакомой фотографией.

– Мой паспорт?! Откуда он у тебя? – изумился Меф и внезапно вспомнил, как Ромасюсик долго обнимал его на про-

щение и все никак не мог отлипнуть.

Буслаев ощутил на своем лице дурацкую и счастливую улыбку. С его души точно строительную плиту краном подняли. Ну не идиотизм ли? Прасковья сделала ему гадость, чуть не посадила его в тюрьму, а он ощущает радость и благодарность.

– Отдай! – приказал Меф.

Прасковья мотнула головой и спряталась за трубу. Меф попытался догнать ее, но вместо паспорта в руке у него неожиданно оказался вырванный из блокнота лист.

«ПоЦелУй мЕнЯ или СбрОшУ!»

Меф еще читал, а Прасковья отпустила трубу, шагнула на край крыши и, опасно балансируя, далеко отставила руку с паспортом.

– Ну и давай! – сказал Мефодий, прикинув про себя, что место Прасковья выбрала удачно. Бороться с ней на краю крыши не станешь.

Он попытался незаметно сгустить вокруг паспорта силовое поле, но почему-то услышал гулкий, бьющий по ушам звук, который бывает, когда кто-то «играет» железным листом. Опустив глаза, он увидел, как лист, выстилающий крышу в метре от Прасковьи, загибается кверху, выдирая из досок гвозди.

«А это тут при чем?» – озадачился Меф, пытаясь сообразить, в чем дело: то ли Праша перевела его магию, небрежно откинув ее в сторону, то ли он совершенно разучился делать

даже элементарные вещи.

Прасковья повернула голову, посмотрела на крышу и насмешливо зацокала языком. Попутно она щелкнула пальцами, и вспыхнувшее в воздухе синеватое пламя кольцом стало сжиматься вокруг паспорта Мефа.

Восстанавливать паспорт Буслаеву не хотелось.

– Договорились! Иди сюда! – сказал он.

Прасковья мотнула головой, всем своим видом показывая, что подходить не собирается, и насмешливо ткнула пальцем в свою щеку.

Меф подошел. Потерял равновесие, присел, оперся ладонями о крышу. Балансируя, Меф хотел дежурно клюнуть Прасковью в щеку, но она повернула голову, и его губы встретились с ее губами. Меф почувствовал, что губы у Прасковьи холодные и словно резиновые. А еще почувствовал, что они зло улыбаются.

Меф удивленно отстранился. Глаза Прасковьи были устремлены не на него, а наискось. Меф обернулся. С противоположной крыши, отделенная улицей, на них с изумлением смотрела Дафна. Расстояние до нее было метров пятьдесят. Как раз столько, чтобы не различить паспорта и не слышать слов, но отлично увидеть поцелуй. Прекрасно все продумано, до мелочей!

Дафна, пригнувшись, скользнула в чердачное окно. Мефодий запоздало крикнул: «Погоди!», но голос затерялся в уличном шуме. В гневе он схватил Прасковью за плечи

и стал трясти. Та не сопротивлялась. Только бессмысленно улыбалась, голова болталась, а глаза были ненормальные.

Меф дотащил Прасковью до чердачного окна и втокнул ее внутрь. Она была ватная, вялая.

Пачкаясь в голубином помете, Меф на четвереньках перебежал от окна до чердачного люка и обнаружил, что тот заперт снаружи. Рванул раз, другой, третий. Что-то хрустнуло, дерево уступило, и в руках осталась ручка с болтавшимися ржавыми шурупами. Буслаев отшвырнул ее. Он тут возится с люком, а Дафна уходит! Может, ушла уже!

Мгновение он размышлял о телепортации, но это было рискованно. Глупо материализоваться по шею в бетоне посреди проезжей части.

Что-то полыхнуло и сгустилось на чердаке. Меч! Меф так давно его не держал, что ладони испытали удивление. На замахе Буслаев перерубил одну из балок и даже этого не заметил. Люк он вскрыл без усилий, как консервную банку, позволив ему обрушиться вниз. Петля чудом удержалась, и в ней остался болтаться железный болт с гайкой. Ага! Вот в чем дело!

Крайняя дверь на верхнем этаже поспешно захлопнулась. Меф успел заметить напуганное лицо сознательной пенсионерки. Надо же – бабулька не поленилась вскарабкаться на железную лестницу и закрутить их! Сделай подарок родную городу – завинти на крыше террориста! Пару раз стукнув в дверь наверху мечом и услышав сердитое пыхтение, Бусла-

ев сбежал вниз, на секунду остановившись у окна между вторым и третьим этажами.

На противоположной стороне улицы он увидел Дафну. Шла она торопливо, но, как показалось Мефу, сама не понимала куда. Так идет человек, в спине у которого торчит нож, а он до рукояти не может дотянуться. Прохожие оглядывались на нее с удивлением. Буслаев понял, что Дафна плачет, и тем, кто идет навстречу, это заметно.

– Да-а-аф! – крикнул Меф, ухитрившись сорвать голос одним коротким именем.

Даф остановилась, оглянулась в пустоту, поправила рюкзак и побежала. Когда он вырвался во двор и пересек улицу, искать Дафну было бесполезно. Мефодий добежал до перекрестка, кинулся в одну сторону, в другую. Зачем-то вернулся к дому и стал звонить. Телефон отвечал, что абонент недоступен, и предлагал оставить голосовое сообщение.

Внизу, у дома, на крыше которого Мефодий видел Дафну, мелькнула и поспешно размазалась в толпе фигура, похожая на Ромасюсика. Генерал-майор неустановленных войск успешно ускользнул из рук милицейского лейтенанта и сделал очередную гадость.

«Заранее договорились, сволочи!» – мрачно подумал Меф.

Недовольно просигналив, чтобы Буслаев подвинулся, в арку не без усилия втиснулась патрульная машина. Мефодий проводил ее отрешенным взглядом.

«Куда это? А, ну да! Отважная старушка с верхнего этажа воспользовалась звонком к другу!» – понял Меф.

Он повернулся и побрел к метро. Он злился не на Рома-сюсика, не на Прасковью, не на Даф, поверившую всему это-му постановочному бреду, а на себя.

Послышался нарастающий звук. Кто-то, шаркая, спешил за ним по асфальтовой дорожке. Меф оглянулся, возомнив на секунду, что это Дафна опомнилась и догоняет его. Ни-кого. За ним бежал сухой лист. Деловито промчался рядом, задел ногу и скрылся.

Меф закричал и вlepил кулаком в пыльную жесть водо-точной трубы, промяв ее. Он предал Даф! Предал даже не потому, что согласился поцеловать Прасковью. В конце кон-цов, поцелуй был вынужденный и глупый. Даже троюродную тетю, вымазанную толстым слоем крема, он чмокнул бы с большим чувством. Предал потому, что допустил самую воз-можность предательства и внутренне – пусть на миг – счел ее забавной, любопытной, романтической, какой угодно.

Правда, тут есть и один плюс. Мощный пинок по иллю-зии, что ты хороший, добрый и пушистый. Если ты предал и знаешь это, то понимаешь, что это не разово. Что эта мер-зость сидит в тебе и никуда из тебя не денется, пока ты сам ценой многих болезненных усилий ее не выдавишь.

У комментаторов тенниса, когда один из игроков допу-стит явную ошибку, есть точная формулировка: «Это не вы-игрыш Иванова, это проигрыш Петрова». Вот и здесь: это не

выигрыш Прасковьи, это его, Мефа, проигрыш.

Меф заехал в общежитие озеленителей, не нашел Дафну и помчался к Эссиорху, всю дорогу названивая Дафне по недоступному мобильнику.

Эссиорх только что откуда-то вернулся и расшнуровывал ботинки. Вид у него был расстроенный, Улиты дома не оказалось, но Меф не заметил ни того, ни другого. В состоянии собственного огорчения чужих неприятностей мы обычно не воспринимаем.

– Привет, наследник немытой конторы! Проходи! – сказал Эссиорх, внимательно посмотрев на Мефа.

«Что за дела? У меня что, на лице написано: это Буслав-который-все-вспомнил?» – подумал Меф и сбивчиво пересказал Эссиорху весь сегодняшний день, начиная от драки в гипермаркете.

Тот слушал, неспешно расслабляя шнурки. Стянул правый ботинок и пошевелил пальцами.

– Гадкая история. А в общежитии был?

Меф кивнул.

– И что?

– Ничего. Вахтер говорит: не приходила. Обещал позвонить, если появится.

Эссиорх, видевший однажды этого вахтера, изумился.

– Он? Ты ему что, шоколадку подарил?

– Да, жидкую шоколадку с синей пробкой. И где ее теперь искать?

Эссиорх снял второй ботинок.

– Честно сказать? Даже не знаю... Если бы она рассуждала как страж света, проблем бы не было.

– А ты сам не...

– Понятия не имею, где она сейчас и как поступит... Даже мысли ее нашарить не могу – все заблокировано. Скверно, что в таком состоянии она легкая добыча для охотников за крыльями и флейтами.

– Она не... – Меф запнулся. Есть слова, которые просто физически боишься произнести. – ... погибнет?

– Я же сказал: она легкая добыча. Но если прямой слежки мрака за ней не было, надеюсь, все обойдется, – сухо ответил Эссиорх.

– Я не об этом... Не только о мраке! Ведь я ее предал. А она доверила мне свои крылья... ну когда-то... а это же навсегда...

Эссиорх коротко задумался, глядя не на самого Мефа, а на носки его ботинок.

– Прежде всего ты сглупил... Не столько даже поступком – сколько готовностью к поступку, – сказал он отрывисто. – Даф полна любви и прощения. Думаю, она разберется, когда остынет. Надеюсь.

– И что мне теперь делать?

– Тебе нужен четкий план? – уточнил Эссиорх.

– Ага.

– А следовать ему ты обещаешь? Перестань трезвонить по

отключенному номеру – раз. Успокойся – два. Поезжай домой и поужинай – три... Заниматься ты, конечно, сегодня не сможешь, но займись хоть чем-нибудь. Например, почитай хорошую нефантастическую книжку про анатомию кольчатых червей. Очень успокаивает. Это четыре.

– И все?

– На сегодня все.

Меф направился было к двери, но Эссиорх остановил его:

– погоди! Вопрос можно?

– Ну...

– Только правильно меня пойми и не обижайся. С Прасковьей все понятно. Я о другом. Ты-то сам Дафну любишь?

– Ну конечно! – ответил Буслаев с обидой.

Эссиорх провел рукой по мотоциклетному шлему, хотя особой необходимости протирать его не было.

– Ты не обижайся, что я спросил. Просто тут такая штука... Окупается только настоящая любовь. Если ты сфальшивил, считай, что вложил деньги в рухнувший банк.

– Не врубился! – недовольно сказал Меф.

– Понимаешь, в человеческих отношениях куча всяких примесей и полутонов. Обидок, мелкой лжи, ехидства, раздражения, хлопанья дверями, всякой торговли. И все это вы называете любовью, и язык у вас не заплетается. Для того, кто родился в Эдеме, это невыносимо.

– Все равно не понял, – сказал Меф.

– Ну хорошо. Тогда еще проще. Ты мог бы дать мне по-

трогать свое сердце? Если бы я попросил? Без объяснений, зачем это нужно. Просто: дай потрогать, и все!

– Чего-о? Ага, ща-а!

– Вот видишь. А я бы тебе дал. Просто потому, что знаю: ты не попросил бы меня об этом, если бы это не было действительно нужно и важно, – сказал Эссиорх серьезно. – И так все, кто имеет отношение к Эдему. Там все очень чистое, радостное, наивное, любящее тебя без меры. Допустим, ты скажешь там лошади: «Умри!» Просто так, в шутку, а она уже лежит мертвая.

– Почему? Может, я ради прикола сказал? – не понял Мефодий.

– А лошади приколов не понимают. Твое слово для нее закон. Ты сказал ей «умри!», и она, не задумываясь, просто от любви к тебе умерла.

Глава 5

Мастерская мрака

Высший пилотаж мрака – заманить козленка в волчью стаю, внушив ему, что раз у него есть рожки, он тоже хищник и крайне опасный. Разумеется, финал всегда одинаков. Если козленок чудом и уцелеет, то непременно станет тем, чем становятся все выросшие козлята мужского пола.
Эссиорх

В сознании каждого существуют смысловые пары. Образы, звуки, действия, нерасторжимо скрученные проволокой близких ожиданий. Например: включаешь лампу – ожидаешь щелчка и света. Нож срывается и попадает по пальцу – ждешь крови. Когда смысловая пара нарушается, человек или страж испытывают сильный дискомфорт, понимая, чтостряслось нечто экстраординарное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.